

Династические имена и неофициальные прозвища императоров в эпоху Северов

А. В. Махлаюк

Для цитирования: Махлаюк А. В. Династические имена и неофициальные прозвища императоров в эпоху Северов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 872–897. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.313>

В статье рассматриваются особенности использования официальных имен и неофициальных прозвищ в связи с династической политикой Северов. Ни один другой период в истории Римской империи не был настолько насыщен сменой имен, как эпоха Северов. Это связано с тем, что императорская ономастика и титулатура имели особое значение для легитимации новой династии, пришедшей к власти в результате гражданской войны. Наряду с именами, которые уже с самого начала принципата стали титульными (Caesar, Augustus), при Северах на первый план выдвинулись династические имена, прежде всего *nomen Antoninorum*, которые имели определенную идеологическую подоплеку, играя важную роль в репрезентации власти и династической преемственности правителей. В силу своей особой ауры имя Антонинов и другие наименования указывали на продолжение традиций золотого века, на консолидацию власти, служили своего рода политическими лозунгами, символизируя приверженность той или иной политической линии. Римские ономастические традиции, допускавшие (и даже предполагавшие) *mutatio nominis* при смене семейного или политического статуса, создавали определенные предпосылки этого процесса. В то же время данные традиции предполагали наделение политических деятелей разного рода неофициальными прозвищами, зачастую пейоративного или юмористического свойства, которые следует рассматривать как форму выражения реакции тех или иных общественных групп на поведение и личностные особенности правителей. Эти прозвища, включая дисфемизмы и негативное переименование официальных или семантически нейтральных имен, возникали, как правило, там и тогда, где и когда появлялось явное расхождение между общественными ожиданиями и реальным моральным обликом правителя. При этом императорские имена осмыслялись и с точки зрения их буквального значения (Pertinax, Severus, Diadumenianus), и с точки зрения ассоциаций со знаковыми фигурами, ранее занимавшими императорский престол и ставшими воплощением идеала правителя.

Александр Валентинович Махлаюк — д-р ист. наук, проф., Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; makhl@imomi.unn.ru

Alexander V. Makhlaiuk — Doctor in History, Professor, N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23, Gagarin av., Nizhny Novgorod, Russian Federation; makhl@imomi.unn.ru

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ/РГНФ «Неофициальные имена и прозвища политических деятелей древнего мира как культурно-исторический и политический феномен», № проекта 16-01-00297, руководитель О. Л. Габелко.

The research is supported by the grant of the Russian foundation for basic research/ Russian foundation for humanities, the project N 16-01-00297 “Unofficial names and nicknames of political leaders of the Ancient world as cultural-historical and political phenomenon”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Ключевые слова: Римская империя, династия Северов, династические кризисы, императорская титулатура, неофициальные имена и прозвища.

Dynastic Names and Unofficial Imperial Nicknames during the Severan Dynasty

A. V. Makhlaiuk

For citation: Makhlaiuk A. V. Dynastic Names and Unofficial Imperial Nicknames during the Severan Dynasty. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 3, pp. 872–897. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.313>

The paper examines the usage of official names and informal nicknames in connection with the dynastic policy of the Severans. No other period in the history of the Roman Empire was characterized by such an intense “change of names” as the era of the Severan dynasty because imperial onomastics and titlature played an important role in legitimization of the new dynasty, which ascended to power as a result of the civil war. Along with the names that from the very beginning of the Principate became part of official imperial titlature (Caesar, Augustus), during the age of the Severans, the “dynastic” names, especially the *nomen Antoninorum*, came to the fore. They had an ideological background playing a crucial role in representation of power and “dynastic” continuity. By virtue of their specific aura, the *nomen Antoninorum* and other names were destined to indicate the continuation of the tradition of the Golden age, consolidation of power. They served as political slogans symbolizing adherence to a particular political line. Roman onomastic traditions which allowed (or even implied) *mutatio nominis*, when family or political status was changed, set certain prerequisites for this process. At the same time, these traditions implied giving policymakers various nicknames with humorous or pejorative connotations, which should be considered as a form of reaction of different social groups to the behavior and personality traits of the rulers. These nicknames, including dysphemisms or negative modification of official or semantically neutral names, usually emerged when there was a discrepancy between the moral qualities of the ruler and expectations of the society. Besides that, imperial names were reinterpreted both as far as their literal meanings were concerned and with regard to the associations with the key figures who had been on the imperial throne and embodied the ideal of a ruler.

Keywords: Roman empire, Severan dynasty, dynastic crises, imperial titlature, informal names and nicknames.

1. Предварительные замечания

После убийства императора Коммода 31 декабря 192 г. (здесь и далее все даты н. э.) последовал династический кризис, вылившийся в серию военных переворотов и гражданских войн, которые стали прелюдией так называемой военной анархии середины III столетия. За 42 года до смерти последнего представителя новой династии Александра Севера (222–235 гг.) на римском императорском престоле сменилось десять императоров, из которых только один (Септимий Север) умер своей смертью. Очевидно, в эти десятилетия система принципата подверглась, пожалуй, наиболее серьезному, жестокому испытанию за все время своего существования. В беспощадной борьбе за власть использовались все возможные средства, в том числе и те, которые, допуская некоторый анахронизм, мы называем пропагандистскими, нацеленные на обретение такого властного ресурса, как символический капитал. В состав последнего, несомненно, входили и династические имена,

указывавшие на кровную или фиктивную преемственность правителей. Наряду с именами, которые уже с первой императорской династии стали титульными (как Caesar и Augustus¹), династические наименования, в силу своей особой, можно сказать, магической ауры нередко служили своего рода политическими лозунгами, символизируя приверженность определенной традиции.

Претенденты на власть и ее обладатели в эпоху принципата, используя исконно римские ономастические традиции, связанные как с практикой усыновления, широко распространенной среди аристократии, так и с обычаями общественного признания в виде присвоения почетных *cognomina* и *agnomina*², как правило, уделяли существенное внимание своему наименованию и именам своих предполагаемых наследников. Официальные и неофициальные почетные наименования, которые декретировались сенатом или провозглашались войском и народом либо присваивались себе самим правителем, несомненно, играли важную роль в репрезентации власти. Отнюдь не случайно этот аспект императорской власти акцентируется многими античными авторами, которые особо подчеркивали возникавшие здесь злоупотребления (как, например, в случае Коммода, который отличался, можно сказать, маниакальной страстью к всевозможным почетным титулам и переименованиям всего и вся в честь себя³). Так или иначе императорские титулы, почетные эпитеты, официальные и полуофициальные имена императоров были, можно сказать, вездесущими в римском мире и принадлежали прежде всего публичной сфере. Они звучали на различных общественных и придворных церемониях, в сенаторских собраниях (и публиковались в *Acta Senatus*), на играх, в выступлениях ораторов и послов, в гражданских и военных клятвах, в молитвах в храмах, присутствовали в датировочных формулах, в письмах и петициях, адресованных правителям, были запечатлены в многочисленных строительных надписях⁴, декретах

¹ Суть этих имен точно выразил Кассий Дион: «Наименование же “Цезарь” или “Август” не прибавляет им никакого особого могущества, но просто указывает соответственно на преемственную связь в их роде и на блеск их положения» (Dio Cass. 53.18.2).

² Они иногда закреплялись в качестве семейного имени; ср., например, такие известные в римской истории имена, как Manlius Imperiosus Torquatus, Scipio Africanus, Metellus Numidicus, Pompeius Magnus, Germanicus и др.

³ Dio Cass. 73(72).15.1–4: «А он распорядился, чтобы и сам Рим стали называть Коммодовым, и легионы Коммодовыми, и тот день, в который состоялось голосование об этом, отныне именовался бы Коммодиями. Себе самому он присвоил множество почетных имен, в том числе имя Геракла... и все месяцы были переименованы в его честь, так что теперь их перечисляли так: амазоний, непобедимый, счастливый, благочестивый, луций, элий, аврелий, коммод, август, гераклий, римский, преодолевающий. Дело в том, что он присвоил себе разные имена в разное время, а Амазоном и Преодолевающим называл себя постоянно, чтобы подчеркнуть, что он намного превосходит всех остальных людей во всех отношениях. Вот каким небывалым безумием был охвачен этот негодяй». Ср.: SHA. Comm. 8.6; 9; 11.8; Hdn. I.14.9. Кроме того, стоит вспомнить, что после смерти своего отца, став единоличным правителем, Коммод изменил свой преномен с Луция на Марка, исключил гентилиций Элий и добавил когномен Антонин, так что стал именоваться M. Aurelius Commodus Antoninus Augustus, но в 191 г. снова вернулся к имени Луций Элий Аврелий Коммод, возможно, удалив имена Марк и Антонин в связи с их «республиканскими» коннотациями (Hammond M. Imperial Elements in the Formula of the Roman Emperors during the first two and a half Centuries of the Empire // *Memoirs of the American Academy in Rome*. 1957. Vol. 25. P. 32–33).

⁴ Весьма примечательно, что самая большая из всех известных в Римской империи надписей имеет своим основным содержанием номенклатуру и титулатуру императора Элагабала. Эта надпись длиной 147 м была сделана вокруг арены театра в Тарраконе, реконструированного этим правителем: IMP CAES DIVI ANTONINI MAGNI FILIVS DIVI SEVERI NEPOS MARCVS AVRELIVS

городских властей, чеканились на имперских и провинциальных монетах, бронзовых военных дипломах, выпущенных для отставных солдат.

Однако существовал и иной пласт императорских имен, которые использовались в иных обстоятельствах и местах. Это те разнообразные насмешливые прозвища и уничижительные эпитеты, которые можно было услышать (или прочесть) в фривольных стихах и песнях — произведениях своеобразного городского фольклора⁵, в тайных разговорах между заговорщиками или сплетнях придворных, в речах сенаторов, криках и проклятиях толпы в адрес «дурного» императора после его смерти, в завещаниях лиц, которые были казнены или покончили с собой и позволяли себе откровенно высказаться в адрес правителя⁶, и, наконец, в риторических, исторических или биографических сочинениях, посвященных прежним правителям и сохранявшим их прозвища, реальные либо выдуманные автором. В некоторых случаях, когда политические обстоятельства коренным образом менялись, одни и те же люди высказывались о мертвых или свергнутых императорах совершенно по-другому, чем при их жизни.

В этом отношении показательны два свидетельства очевидца, каковым был Кассий Дион. Говоря об участии императора Коммода в гладиаторских боях и звериных травлях, историк сообщает, что сенаторам в амфитеатре было приказано постоянно скандировать почетные наименования императора, называя его «господин», «первый и счастливейший из людей», «Победитель», «Амазоний» (73[72].20.2). Но сразу же после убийства Коммода те же сенаторы (и, вероятно, сам Дион среди них), которые недавно кричали на играх и единогласно голосовали в сенате за необычные почетные титулы для Коммода, теперь (вместе с толпой, собравшейся перед курией) выкрикивали обличения против императора, объявленного врагом государства. Они называли его «всевозможными именами, проклятым негодяем и тираном⁷, добавляя в шутку такие наименования, как “гладиатор”, “колесничий”, “левша”, “грыжа”» (ἀλιτήριος, τύραννος, ὁ μονομάχος, ὁ ἀρματηλάτης, ὁ ἀριστερός, ὁ κηλήτης) (74[73]. 2. 2–3)⁸. Не исключено, что эти возгласы были опубликованы

ANTONINVS PIVS FELIX AVGVSTVS SACERDOS AMPLISSIMVS DEI INVICTI SOLIS ELAGABALI PONTIFEX MAX TRIBVNIC POTEST COS PROCOS P P. — См.: *Alföldy G.* Die Bauinschriften des Aquäduktes von Segovia und des Amphiteaters von Tarraco. Mit einem Anhang von P. Witte. Berlin; New York, 1997. S. 57–92.

⁵ Об этих *libelli* (γράμματα) и *carmina famosa* как особого рода фольклоре см.: *Veyne P.* Le Folklore à Rome et les droits de la conscience publique sur la conduite individuelle // *Latomus*. 1983. Vol. 42. P. 3–30, особенно p. 13 ff. О надписях и граффити такого рода см.: *Corbier M.* L'Écriture dans l'espace public romain // *L'Urbs: Espace urbain et histoire (Ire siècle av. J.-C. — IIIe siècle après J.-C.)*: Actes du colloque international de Rome (8–12 mai 1985). Rome, 1987. P. 27–60; *Zadorojnyi A. V.* Transcripts of Dissent? Political Graffiti and Elite Ideology under the Principate // *Ancient Graffiti in Context* / eds J. A. Baird, C. E. Taylor. London, 2011. P. 11–33.

⁶ См.: *Suet. Aug.* 56.1; *Dio Cass.* 58.25.2–3; *Lucian.* *Nigr.* 30.

⁷ Вероятно, подобное отношение к поверженному тирану получило распространение и в провинциях, как свидетельствует один из папирусов, в котором Коммод именуется главарем разбойников — *λειστάρχος* (P. Оху. I, 33 = *Wilcken, Chrest.* 20 col. IV 8 = *Musurillo H.* *Acts of the Pagan Martyrs*. Oxford, 1954. P. 65–70; 214–220).

⁸ В биографии Коммода, со ссылкой на Мария Максима и сенатские *sententia*, также приводится обширный перечень не менее выразительных наименований, которые отчасти совпадают с приведенными Дионом: *hostis patriae, parricida, gladiator, hostis deorum, hostis senatus, necator civium, parricida civium, impurus gladiator, carnifex senatus* (SHA. *Comm.* 18.3–5; 18.13; 19.1–2; ср. также: *Hdn.* II. 2.2; *Eutrop.* VIII. 15; *Aur. Vict. Caes.* 17.1). О возможной аутентичности этих *acclamationes* см.: *Aja Sánchez J. R.* Imprecaciones senatoriales contra Cómmodo en la “Historia Augusta” // *Polis*. 1993. Vol. 5.

в *Acta Senatus*⁹. Также вполне правдоподобно, что по крайней мере одно упомянутое здесь наименование («грыжа»¹⁰) было насмешливым прозвищем Коммода, как и «колесничий», в то время как «гладиатор» и «левша», наряду с его другими гладиаторскими «титулами», были официальными наименованиями, которыми император сам хотел называться¹¹. Примечательно, что все четыре наименования были включены в инвективные провозглашения, а это значит, что в данном случае официальные титульные имена оказываются перевернутыми и превращаются в свою противоположность — злую насмешку, своего рода пародию¹². При этом, по словам Диона, простолюдины, стоявшие перед курией, «те ритмичные речевки, которые они привыкли скандировать в амфитеатрах, прославляя Коммода, теперь распевали во весь голос, поменяв слова так, чтобы придать им самое смехотворное значение» (ἐς τὸ γελοῖότατον) (74[73]. 2.3). Явная (и горькая) ирония, несомненно, присутствует и в словах самого Диона, когда он называет Коммода ὁ χρυσοῦς («Золотой») в пассаже, следующем за сообщением об официальном провозглашении Коммода «золотого века» (72[73]. 15.6–16.1)¹³.

Таким образом, пример Коммода позволяет говорить о двух разных модусах наименования: официальном, исходящем от самого носителя высшей власти, формализованном и институционально узаконенном, и неофициальном, исходящем от критиков и противников конкретного правителя, зачастую фривольном, юмористически окрашенном. Их неизбежная конкуренция является частью той символической борьбы, которая, согласно концепции П. Бурдьё, идет за «власть давать имена и создать мир посредством именования», за «социально признанную возможность навязывать определенное видение социального мира»¹⁴. Эта борьба происходит в пространстве между двумя крайностями: оскорблением, этим *idios logos*,

Р.5–21 (обосновывается точка зрения, согласно которой эти уничижительные наименования были частью сенатского постановления о *damnatio memoriae* Коммода). Ср. *Molinier-Arbo A. Les documents d'archives dans la Vita Commodi: degré zéro de l'histoire ou fiction? // Dialogues d'histoire ancienne. 2010. Suppl. IV. 1. P. 87–112.* — Д. Бургерсдейк, указывая на роль этих аккламаций как своеобразного *speculum principis*, отмечает, что, хотя чувство юмора автора SHA создает весьма прихотливые фантазии, в их основе, как показывает свидетельство Диона, лежит исторически достоверное словоупотребление (*Burgersdijk D. W. P. Pliny's Panegyricus and the Historia Augusta // Arethusa. 2013. Vol. 46. P. 289–312, особенно р. 295–300*).

⁹ *Nesselhauf H. Die Vita Commodi und die Acta Urbis // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1964/1965. Bonn, 1966. P. 127–38; Aja Sánchez. Imprecaciones senatoriales contra Cómmodo... P.9; Molinier-Arbo. Les documents d'archives dans la Vita Commodi... Против этой точки зрения: *Baldwin B. Acclamations in the Historia Augusta // Athenaeum². 1981. Vol. 59. P. 138–49.**

¹⁰ В SHA. Comm. 13.1–2 (со ссылкой на Мария Максима) сообщается, что у Коммода в паху была заметная грыжа, по поводу которой было сочинено немало стихов.

¹¹ Наименования ἀρίστερος и μονομάχος присутствуют среди прочих эпитетов в надписи, сделанной по приказу Коммода на статуе Колосса (Dio Cass. 73[72].15. 3–4; 22.3; Hdn. I. 15.8–9; SHA. Comm. 11.8–10; 15.8). Биограф подчеркивает (Comm. 17.10), что сам Коммод не стеснялся прозвищ *gladiator* и *effeminatus* (под последним, вероятно, подразумевается его титул *Amazonius*).

¹² На возможность такого перетолкования указывают и комментарии биографа, который отмечает, что сенат в насмешку дал Коммоду титул *Pius*, после того как тот назначил консулом бывшего любовника своей матери, а почетное прозвание *Felix* связывает с когноменом Суллы (SHA. Comm. 8.1). Однако оба эти наименования известны по надписям и монетам Коммода.

¹³ Уместно вспомнить, что для Диона приход к власти Коммода означал поворот от «золотого царства Антонинов к царству железа и ржавчины» (72.36.4). Ср. SHA. Comm. 14.3. На монетах легенда «Золотой век Коммода» появляется в конце 190 г. (BMC IV. 1, p. clxvi, clxxii, clxxxii–clxxxiii).

¹⁴ *Bourdieu P. Language and Symbolic Power / ed. by J. B. Thompson; transl. by G. Raymond & M. Adamson. Cambridge, 1991. P. 105–106.*

с помощью которого обычный человек стремится утвердить свою точку зрения, рискуя нарваться на взаимное оскорбление, — и официальным наименованием как «символическим актом утверждения, который имеет на своей стороне всю силу коллектива, консенсуса, здравого смысла, потому что он осуществляется делегированным агентом государства, то есть обладателем монополии на законное символическое насилие»¹⁵. В свете этой концепции не только императорская титулатура как таковая, но и все множество наименований, прозвищ и кличек, которые давались римским императорам и членам императорской семьи, можно рассматривать как «указание на фундаментальные ценности разных групп» и как «видимый след борьбы за власть именовать»¹⁶.

Ономастическая политика в условиях тех династических кризисов, которые последовали после смерти Коммода, обнаруживает целый ряд весьма примечательных явлений, прямо или косвенно связанных с борьбой за власть. Пожалуй, ни один другой период в истории Римской империи не был настолько насыщен сменой имен, как эпоха Северов. При этом важно обратить внимание не только на официальные наименования, но и на те прозвища, которыми приходившие к власти императоры наделялись со стороны подвластных, выражавших таким образом свое отношение к правителям. Если первые довольно часто становились предметом специальных исследований, то вторые очень редко попадают в поле зрения современных историков¹⁷, хотя, вне всякого сомнения, могут многое сказать о специфической коммуникации, возникавшей между властителями и подвластными. Такой ракурс рассмотрения, думается, поможет преодолеть известную односторонность в изучении императорской титулатуры и ономастикона, которые обычно (и в общем-то справедливо, хотя несколько прямолинейно) трактуются как средство легитимации власти при смене правителей и династий¹⁸.

¹⁵ Ibid. P. 239.

¹⁶ Ibid. P. 290, not. 8.

¹⁷ Единственной работой, в которой специально исследуются императорские прозвища как политический феномен, остается статья: *Bruun C.* Roman Emperor in Popular Jargon: Searching for Contemporary Nicknames (I) // *The Representation and Perception of Roman Imperial Power. Proceedings of the Third Workshop of the International Network Impact of Empire* / eds L. de Blois et al. Amsterdam, 2003. P. 69–98.

¹⁸ О стратегиях и кампаниях по легитимации власти, включавших и смену династических имен, пишут многие исследователи: *Mennen I.* The Image of an Emperor in Trouble. Legitimation and Representation of Power by Caracalla // *The Impact of Imperial Rome on Religions, Ritual and Religious Life in the Roman Empire. Proceedings of the Fifth Workshop of the International Network Impact of Empire* / eds L. de Blois, P. Funke, J. Hahn. Leiden; Boston, 2006. P. 253–267; *Ardanaz Fernández S., Fernández González R.* El consensus y la auctoritas en el acceso al poder del emperador Septimio Severo // *Antigüedad y Cristianismo*. 2006. Vol. 23. P. 23–37 (особенно p. 26 ff.); *Icks M.* From Priest to Emperor to Priest-Emperor: the Failed Legitimation of Elagabalus // *Private and Public Lies: The Discourse of Despotism and Deceit in the Graeco-Roman World* / eds A. Turner, J. Chong-Gossard, F. Vervaeke. Leiden, 2010. P. 331–341; *Mastrocinque A.* Eredità politica al tempo dei Severi // *Hereditas, adoptio e potere politico in Roma antica* / eds A. Mastrocinque, S. Marastoni, B. Poletti. Rome, 2011. P. 71–83; *Scott A. G.* The Legitimization of Elagabalus and Cassius Dio's Account of the Reign of Macrinus // *Journal of Ancient History*. 2013. Vol. 1(2). P. 242–253; *Slootjes D.* On the Location and Importance of Ancestral References in the Official Titulature of Imperial Co-Rulers (2nd–3rd centuries AD) // *Ancient society*. 2015. Vol. 45. P. 267–284; *N'Guyen-Van V.* Démontrer sa légitimité: le lien dynastique dans les monnaies sévériennes // *Cahiers "Mondes anciens"*. 2016. Vol. 8. URL: <http://journals.openedition.org/mondessciens/1636> (дата обращения: 10.02.2018). Однако против применимости самого понятия «легитимация» к политике римских императоров резонно выступает Дж. Лендон, полагающий, что в условиях отсутствия массмедиа и весьма огра-

2. Смена имени и династическая политика Септимия Севера

Mutatio nominis и формирование титулатуры тех императоров, которые восходили на престол или провозглашались августами в рассматриваемый период, несомненно, связаны со значимыми этапами и перипетиями борьбы за власть¹⁹, что находит свое отражение в нарративных источниках, фиксирующих новшества в имянречении правителей.

Если Пертинакс и Дидий Юлиан, на короткое время занявшие императорский престол после убийства Коммода, не стали менять имен, за исключением прибавления титулов *Caesar* и *Augustus*²⁰, как и Песценний Нигер²¹, провозглашенный императором в Сирии, то Септимий Север практически сразу же после провозглашения императором (9 апреля 193 г. в Карнунте) выбрал в этом отношении другую тактику. Первым делом он включил в свое имя дополнительный когномен *Pertinax*, сделал это (по-видимому, прямо на воинской сходке, на которой был провозглашен императором) в расчете угодить не только легионам Верхней Паннонии, Мёзии и Дакии, которые в свое время служили под началом Пертинакса, «но и римскому народу ради памяти о Пертинаксе» (*Hdn.* II. 10.1; ср.: *Eutrop.* VIII. 18.3), и таким образом предстал как мститель за этого императора и продолжатель его политического курса²². Он стал именоваться *Imperator Caesar L. Septimius Severus Pius Pertinax Augustus* (см. напр.: *AE* 1973, 226; *RIC* IV. 1, no. 1–8; 116–121; 343–350; 351a–359a; 651–658). Примечательно, что если Геродиан прямо указывает на политическое значение дополнительного имени, то биограф Севера приводит разноре-

ниченной скорости коммуникаций, при наличии больших масс неграмотного и не говорящего ни на латыни, ни на греческом населения неправомерно говорить о каких-либо целенаправленных усилиях по убеждению подданных в законности императорской власти; те политико-пропагандистские средства, которые обычно рассматриваются как элементы легитимитационных стратегий (выпуски монет, панегирики, императорские статуи и другие формы культа правителя), были в лучшем случае «следами императорской легитимации, но не самими стратегиями легитимации» (*Lendon J. E. The Legitimacy of the Roman Emperor: Against Weberian Legitimacy and Imperial "Strategies of Legitimation" // Herrschaftsstrukturen und Herrschaftspraxis. Konzepte, Prinzipien und Strategien der Administration im römischen Kaiserreich / Hrsg. von A. Kolb. Berlin, 2006. S. 53–63 (цитата на с. 61).*

¹⁹ *Jiménez M. R. Voces, nominatio u mutatio nominis // Saitabi. Revista de la Facultad de Geografía i Historia. 2012–2013. Vol. 62–63. P. 270.*

²⁰ Правда, согласно *SHA. Did. Iul. 7.2*, Дидий Юлиан присоединил к своему имени прозвище своего деда и прадеда *Severus* (хотя его носил и его отец Кв. Петроний Дидий Север: *PIR*², *D 77*), и оно действительно присутствует на его монетах и в надписях (см., напр.: *RIC* IV. 1, no. 5–6; 11–12; 14–16; *ILS* 412). М. Хэммонд предполагал (без веских, на наш взгляд, оснований), что Юлиан использовал *Severus* в своей номенклатуре, когда пытался договориться с Септимием Севером, предложив ему разделить власть (*Hammond M. Imperial Elements in the Formula of the Roman Emperors... P. 33, not. 92*). Кроме того, провозгласившие его императором преторианцы требовали, «чтобы он вдобавок к своему собственному и унаследованному имени стал называться Коммодом», — вероятно, для демонстрации преемственности с почитаемым воинами правителем, но Юлиан этого предложения не принял (*Dio Cass. 73[74]. 12.1; Hdn. II. 6.11*). О событиях 193 г. см. недавнее исследование: *Pasek S. Imperator Caesar Didius Iulianus Augustus. Seine Regentschaft und die Usurpationen der Provinzstatthalter (193 n. Chr.). München, 2013.*

²¹ Нигер добавил к своему наименованию в качестве императора эпитет *Iustus* (*BMC* V, no. 71; 74).

²² *Birley A. Septimius Severus: The African Emperor. London, 1999. P. 97.* — Об этом говорит сам Север в речи к сенату после вступления в Рим летом 193 г., излагаемой Геродианом: «...Он приходит как каратель за убийство Пертинакса... и будет иметь не только имя Пертинакса, но и его образ мысли» (*Hdn. II. 14.3*; пер. А. И. Доватуря). Ср.: *SHA. Sev. 5.4: excipiebat enim ab omnibus quasi ultor Pertinacis.*

чивые версии. С одной стороны, сообщается, что он приказал называть себя Пертинаксом, но впоследствии пожелал отменить это имя как дурное знамение (SHA. Sev. 7.9); с другой стороны, приводится мнение, что имя Pertinax он получил «не столько по своему желанию, сколько из-за бережливого образа жизни» (*ex togum parsimonia*)²³ (SHA. Sev. 17.6; здесь и далее пер. С. П. Кондратьева). Аналогичная, но явно более враждебная традиция сохранена у Аврелия Виктора, по словам которого «бесконечным избиением людей он показал свою жестокость и заслужил прозвище Пертинакса, хотя многие думают, что он сам себе дал его из-за сходства с тем по скромности в своей личной жизни; наши же мысли склоняются к признанию его жестоким» (Caes. 20.10; пер. В. С. Соколова). Отголосок этой враждебной традиции обнаруживается в жизнеописании Севера: в рассказе о репрессиях императора указывается, что «многие были осуждены за то, что подшучивали, другие за то, что молчали, иные за то, что не раз выражались иносказательно, например: “Вот император, действительно оправдывающий свое имя — действительно Пертинакс, действительно Север²⁴”» (SHA. Sev. 14.13). Вместе с тем в биографии самого Пертинакса говорится, что «сам Север в знак любви к хорошему императору принял от сената имя Пертинакса» (SHA. Pert. 15.2). Как можно видеть, римские авторы (и, очевидно, их читатели) стремились обнаружить в буквальном значении имени указание на черты характера или поведение правителя, что является одной из традиционных особенностей римского политического юмора²⁵.

Учитывая последующее обожествление Пертинакса и его пышное погребение, устроенное Севером²⁶, а также другие шаги (в частности, наказание преторианцев), нельзя не признать, что имя Pertinax действительно символизировало сознательную политическую линию нового императора. Причем принятие этого имени можно считать аналогом включения имени Caesar в номенклатуру первых принцепсов в качестве указания если не на прямое родство, то на преемственность по отношению к предыдущему правителю²⁷.

В качестве особого политического знака следует также рассматривать включение гентилиция Septimius в имя Клодия Альбина, которого Север, чтобы привлечь к союзу против Песценния Нигра, наделил титулом Цезаря, притворно ссылаясь на собственную старость, болезнь и малолетство своих сыновей (Hdn. II. 15.3–5; ср.:

²³ Pertinax по-латински означает «упорный, стойкий, упрямый, настойчивый, неумолимый», но также «скупой». Здесь присутствует характерное для SHA пристрастие к *interpretatio nominis*, обыгрыванию значения личных имен. См.: *Reekmans T. Notes on Verbal Humour in the Historia Augusta // Ancient Society. 1997. Vol. 28. P. 192 f.*; *Daniels S. G. Satire in the Historia Augusta. PhD Diss. University of Florida. Florida, 2013. P. 78 ff.* В биографии Пертинакса (Pert. 9.4–5) приводится и его насмешливое прозвище, семантически связанное с его именем: из-за ненасытного желания расширить свои земельные владения его называли *agrarius mergus* («земляной баклан»). Если учесть, что эта птица была известна своей прожорливостью (Plin. NH. XI. 202) и относится к морским пернатым, то неожиданный эпитет *agrarius* придает этому прозвищу явный юмористический характер (*Reekmans T. Notes on Verbal Humour in the Historia Augusta. P. 183*). О корыстолюбии Пертинакса ср.: SHA. Pert. 13.4.

²⁴ Severus — суровый, строгий.

²⁵ *Corbeil A. Controlling Laughter: Political Humor in the Late Roman Republic. Princeton, 1996. P. 75 et passim*; *Ballester X. Antroponimia y Humor en la Literatura Romana // Liburna. 2014. Vol. 7. P. 15–44.*

²⁶ Dio Cass. 75. 4–5; Hdn. IV. 2; SHA. Pert. 15. 1–5; Sev. 7. 8–9. См.: *Gonçalves A. T. M. Septímio Severo e consecração de Pertinax: Rituais de morte e poder // História. 2007. Vol. 26, N 1. P. 20–35.* На монетах в честь консекрации Пертинакс именуется DIVUS PERTINAX PIUS PATER (RIC IV. 1, p. 94).

²⁷ *Hekster O. Emperors and Ancestors: Roman Rulers and the Constraints of Tradition. Oxford, 2015. P. 209.*

SHA. Sev. 6.9; Dio Cass. 73.15.1). В качестве младшего соправителя и потенциально наследника Альбин стал именоваться Decimus Clodius Septimius Albinus Caesar (напр., в: ILS 414 = CIL XIV, 6; ILS 415 = CIL VIII, 1549; CIL XIII, 1753; CIL VIII, 17726; RIC IV. 1, no. 1c–5). Родовое имя Septimius, возможно, указывает на усыновление Альбина Севером, поскольку одной из традиций принципата было обязательное усыновление соправителя²⁸. Показательно, что это имя сохраняется в титулатуре Альбина и после того, как он провозгласил себя Августом, хотя иногда опускается (см., напр: RIC IV. 1, no. 14; 17; 20b–c; 25; 30; 41). Такое сохранение *nomen gentile* человека, который стал врагом Альбина в гражданской войне, не находит логического объяснения²⁹, и в отсутствие каких-либо указаний в источниках есть основания сомневаться в самом факте усыновления³⁰. Тем более нет никаких веских причин считать, что Север осуществил свое усыновление в семейство покойного Пертинакса, как полагает Д. Поттер, говоря об этом как о само собой разумеющемся факте без каких-либо аргументов и ссылок на источники³¹.

Наиболее значимым и неординарным актом Септимия Севера на следующем этапе гражданской войны, после того как была одержана победа над Нигром, стало его фиктивное усыновление вместе с его старшим сыном в род Марка Аврелия и соответственно включение в династическую линию, берущую начало от Нервы. Это произошло, вероятно, не позднее лета, а скорее всего весной 195 г., когда Север выступил против Клодия Альбина³². На монетных выпусках этого времени появляется новая филиация: DIVI M(arc)i PII (см., напр.: RIC IV. 1, no. 686; 702), а в надписях начиная с 196 г. он стал именоваться сыном Божественного Марка и братом Божественного Коммода, внуком Антонина Пия, правнуком Адриана, праправнуком Траяна и прапраправнуком Нервы (см., напр.: CIL VIII, 9317; XIV, 112–114)³³, хотя ни родового имени, ни когномена не поменял³⁴. Одновременно имя Марк Аврелий Антонин получил старший сын Севера, Луций Септимий Бассиан, который, несмотря на юный возраст, официально стал наследником отца, приняв титулы Caesar³⁵ и *imperator destinatus*³⁶. Очевидно, этот акт был оформлен официальным постанов-

²⁸ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Zweite Auflage. Bd. II. 2. Leipzig, 1877. S. 1090; Von Wozawa. *Clodius Albinus* // RE. Bd. 4. 1900. Sp. 71; Hasebroek J. *Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Septimius Severus*. Heidelberg, 1921. S. 28.

²⁹ Birley A. *Septimius Severus*... P. 123. Ср.: Lindsay H. *Adoption in the Roman World*. Cambridge; New York, 2009. P. 214.

³⁰ Prévost M. H. *Les adoptions politiques à Rome sous la République et le Principat*. Paris, 1949. P. 58. Ср.: Schumacher L. *Die politische Stellung des D. Clodius Albinus (193–197 n. Chr.)* // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 2003. Bd. 50. S. 362.

³¹ Potter D. S. *The Roman Empire at Bay, AD 180–395*. London; New York, 2004. P. 103, 109.

³² Hekster O. *Emperors and Ancestors*... P. 210.

³³ В греческих официальных текстах Север именуется потомком (ἔκγονος) Траяна и Нервы (Oliver J. H. *Greek Constitutions of Early Roman Emperors from Inscriptions and Papyri*. Philadelphia, 1989. P. 437–443, no. 217–218).

³⁴ Траян, усыновленный Нервой, тоже сохранил свое родовое имя Ульпий, но принял когномен усыновителя.

³⁵ Согласно SHA. Sev. 10.3, это произошло в Виминации, и Север якобы сделал это, чтобы отнять у своего брата Геты надежду на получение императорской власти, появившуюся после разрыва Севера с Альбином. Геродиан никак не конкретизирует время и место этого акта, но расплывчато сообщает, что «Север, как только ему удалось получить почести верховной власти, назвал [Бассиана] Антонином» (III. 10.5).

³⁶ Ср.: CIL XIII, 1754 = ILS 4134. — При этом он в течение некоторого времени сохранял свой прежний когномен Бассиан (который получил в честь деда с материнской стороны Юлия Бассиана,

лением сената (SHA. Sev. 14.3; Eutrop. VIII. 19), но вполне вероятно, что само провозглашение первоначально произошло на воинской сходке (ср. SHA. Geta. 1.4). Позже имя Антонина, вероятно, было дано и младшему сыну императора Гете (SHA. Sev. 10.5; Geta. 1.5; 2.2–4), который, однако, не получил когномена Aurelius и в надписях очень редко именуется Антонином³⁷. Генеалогическая фикция поддерживалась и указанием на родственные узы между Каракаллой и Коммодом: последний иногда именуется дядей первого (patruus — CIL VIII, 4826 = ILS 6097; ILS 6097; ILS 6097; ἀδελφιδῆ — AE 1939, 40). А дочь Марка Вибия Аврелия названа в одной надписи сестрой Септимия Севера (CIL VIII, 5328). Стоит также отметить, что в своей пропаганде, включая ее иконографические каналы, Север всячески подчеркивал свое сходство (даже внешнее) с Марком³⁸.

Такое необычное усыновление не могло не поразить современников, о чем прямо пишет Кассий Дион, не скрывающий своего негативного отношения к желанию Севера установить семейно-династическое правление³⁹: «Но больше всего он поразил нас тем, что стал называть себя сыном Марка и братом Коммода и тому самому Коммоду, над которым еще недавно глумился, воздал божественные почести» (75[76].7.4). О скептической реакции аристократических кругов на этот шаг Севера свидетельствует приводимое Дионом язвительно-остроумное высказывание сенатора Тиберия Полления Ауспекса, который сказал императору, когда тот был записан в род Марка: «Поздравляю тебя, Цезарь, с тем, что ты обрел отца», как будто он до этого времени не знал отца в силу своего темного происхождения (77[76].9.4). Действительно, Север не мог похвастаться знатным происхождением и нуждался в улучшении своего генеалогического древа⁴⁰, и включение в благороднейшую линию Ульпиев — Элиев — Аврелиев как нельзя лучше решало эту насущную для новой династии задачу.

Другие наши источники о реальных причинах самоусыновления Севера и его наследников в gens Aureliana не сообщают почти никакой значимой информации.

жреца бога Элагабала в Эмесце [Epit. de Caes. 21.2]). Ср.: AE 1904, 75 = ILS 8914 (197 г.): «Pro salute Imperator[um dom(inorum) nostrorum L(uci) S(eptimi) Severi Pert(inacis) Aug(usti) et M(arci) | Aurelli (sic!) Antoni(ni) Bassiani C[ae]sar[is] Imp(eratoris) destinati». Другие примеры: *Mastino A. Le Titolature di Caracalla e Geta attraverso le iscrizioni (indici)*. Bologna, 1981. P. 84. Кроме того, Каракалла после смерти отца и убийства брата, став единоличным правителем, официально именовался Севером, прежде всего на монетах и в папирусах (*Abaecherli Boyce A. Caracalla as "Severus" // The American Numismatic Society. Museum Notes. 1958. Vol. 8. P. 81–98*), а также в надписях (CIL VI, 1063 = ILS 2178; VIII, 4197 = ILS 450; 14690 = ILS 4484; IGRR I, 577–579; III, 397; 433; 645; 1132). Данное обстоятельство можно рассматривать как следование примеру основателя династии, но если имя Антонина указывало на преемственность с прежней династией, то имя Severus, помимо этого, подчеркивало особое отношение Каракаллы к отцу, в отличие от его убитого младшего брата Геты (*Abaecherli Boyce A. Caracalla as "Severus"*. P. 85–86). Последний, впрочем, в некоторых надписях 202–204 гг. тоже имеет когномен Severus (*Mastino A. Le Titolature di Caracalla e Geta...* P. 36, n. 65).

³⁷ *Mastino A. Le Titolature di Caracalla e Geta...* P. 37, not. 66 (со ссылкой на CIL III, 5993; 5996).

³⁸ *Baharal D.*: 1) Portraits of the Emperor L. Septimius Severus (193–211 A. D.) as an Expression of his Propaganda // *Latomus*. 1989. Vol. 48. P. 566–580; 2) The Dynastic Aspect of the Imperial Propaganda of the Severi: The Literary and Archaeological Evidence, AD 193–235. Oxford, 1996. P. 20–42.

³⁹ *Madsen J. M. Criticising the Benefactors: The Severans and the Return of Dynastic Rule // Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician / eds J. M. Madsen, C. H. Lange. Leiden; Boston, 2016. P. 155 ff.; Rantala J. Dio the Dissident: The Portrait of Severus in the Roman History // Ibid. P. 164 ff.*

⁴⁰ *Cordovana O. D. Between History and Myth: Septimius Severus and Leptis Magna // Greece & Rome*. 2012. Vol. 59. P. 72. О родословной Севера см.: *Barnes T. D. The Family and Career of Septimius Severus // Historia*. 1967. Bd. 16. P. 87–107; *Letta C. La famiglia di Settimio Severo // L'Africa romana / ed. A. Mastino. Vol. 4.2. Sassari, 1987. P. 531–544; Birley A. Septimius Severus...* P. 146–148, 212–221.

Геродиан видит в переименовании Бассиана только желание Севера, чтобы его сын носил то же имя, какое носил Марк (III. 10.5). «Писатели истории августов» указывают на сновидение Севера, предсказывавшее, что его власть должен унаследовать Антонин (SHA. Sev. 10. 4; Geta. 1.3), на его любовь к Марку, «чьей философии и литературным занятиям он всегда подражал» (SHA. Geta. 2.1), на благодарность Антонину Пию, который якобы способствовал успешному началу карьеры Севера, на веру последнего в особую ауру самого *nomen Antonini*, которое уже носили четыре императора (Geta. 2.3–5), что делало это имя неким добрым предзнаменованием. Аврелий Виктор (Caes. 20.30) объясняет присвоение имени Антонина Бассиану тем, что Север почитал Марка, поскольку, после ряда неудач, начал благодаря ему свой путь почестей с надзора над казначейством⁴¹.

Современные исследователи находят в этих шагах основателя новой династии более серьезные мотивы, связанные со стремлением Севера легитимизировать свою власть и «причаститься» к памяти популярных правителей, используя символический капитал ономастической номенклатуры и играя на династических симпатиях народа и армии⁴². Кроме того, высказывается мысль о том, что включение в семейство Антонинов преследовало цель на законных основаниях унаследовать их богатства (*patrimonium*)⁴³. Данное предположение не лишено оснований, но если его принять, остается непонятным, почему Север осуществил фиктивную адопцию не сразу после провозглашения императором, устранения Дидия Юлиана и установления контроля над Римом весной 193 г., когда остро нуждался в финансовых средствах для награждения своей армии и войны с Нигером, а как минимум два года спустя. Вряд ли отсутствие прав законного наследника мешало Северу использовать имущество Антонинов и средства фиска, тем более что после пресечения династии на престоле уже побывали два императора.

Точную датировку этого усыновления установить не представляется возможным. Важно, однако, обратить внимание на то, что оно, судя по всему, не было ни спонтанным, ни единовременным актом. Север действовал продуманно и последовательно, не форсируя публичную репрезентацию и официальное утверждение сенатом необычной адопции⁴⁴. Об этом могут свидетельствовать наиболее ранние датированные эпиграфические документы, в которых присутствует новая номенклатура Севера и его старшего сына. Впервые указание на нее появляется в надписи 1-й когорты сирийцев из *Ulcisia Castra* (Нижняя Паннония), которая ясно дати-

⁴¹ «...Bassianoque Antonini vocabulum addiderit, quod ex illo post multos dubiosque eventus auspicia honorum cepisset patrocinio fisci». Имеется в виду должность адвоката фиска (ср.: Eutrop. VIII. 18), но маловероятно, что Север ее когда-либо занимал (*Barnes T. D. The Family and Career of Septimius Severus. P. 91–92*).

⁴² См. выше примеч. 18. Ср. также: *Hekster O. All in the Family: The Appointment of Emperors Designate in the Second Century A. D. // Administration, Prosopography and Appointment Policies in the Roman Empire. Proceedings of the First Workshop of the International Network Impact of Empire / ed. by L. de Blois. Amsterdam, 2001. P. 48*.

⁴³ *Hannestad N. Roman Art and Imperial Policy. Aarhus, 1986. P. 252; Mazza M. Un uomo forte al potere: il regno di Settimio Severo // Storia della società italiana. I. 3: La crisi del principato e la società imperial. Milano, 1996. P. 206; Lo Cascio E. The Age of the Severans // The Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. XII: The Crisis of Empire / eds A. Bowman, P. Garnsey, A. Cameron. Cambridge, 2005. P. 137; Gonçalves A. T. M. Rupturas e continuidades: os Antoninos e os Severos // Fênix — Revista de História e Estudos Culturais. 2007. Vol. 4, Ano IV, N 1. P. 14 (www.revistafenix.pro.br).*

⁴⁴ Ср.: *Hekster O. Emperors and Ancestors... P. 209 ff.*

руется 195 г. и в которой Каракалла уже именуется M(arcus) Aur(elius) Antoninus Caes(ar), тогда как его отец по-прежнему назван Imp(erator) Ca(esar) L. Septe(mius) (!) Sev(erus) Pert(inax) Aug(ustus)⁴⁵. Аналогичным образом Каракалла предстает как Антонин в надписи того же года из Верхней Мёзии, сделанной ветеранами VII Клавдиева легиона, в которой Север опять-таки не назван сыном Марка и братом Коммода (CIL III, 14507). В одновременной надписи декурионов из Sestinum в Умбрии Север именуется так же, как и в двух предыдущих инскрипциях, а его сын вообще не упомянут (AE 1984, 373). Это наводит на мысль, что в отличие от воинских частей на Балканах в Италию сведения об усыновлении пока еще официально не поступили⁴⁶. В первый раз принадлежность Севера к семейству Марка Аврелия фиксируется в посвянительной надписи, сделанной магистратами (magistri quinquennales) города Castellum в Мавретании Цезарейской и датируемой, по упоминанию шестой императорской аккламации, второй половиной 195 г. (CIL VIII, 9317). Здесь он назван сыном Божественного Марка и братом Божественного Коммода с перечислением всей династии вплоть до Нервы, причем все имена и термины родства даны без сокращений, как и в надписях из Сицилии, которые, вероятно, относятся к тому же году и упоминают Каракаллу как Антонина (CIL X, 7271–7273)⁴⁷. Однако в надписи на базе статуи Нервы из Рима, датируемой сентябрем 196 г. (CIL VI, 954 = ILS 418), посвящение адресовано Divo Nervae Atavo («Божественному Нерве прародителю») от императора Цезаря Л. Септимия Севера Пертинакса Августа, т. е. без конкретных упоминаний фиктивного родства с Марком, Коммодом и другими Антонинами, как в надписях, происходящих из провинций. Очевидно, в самом Риме, среди сенаторов, Север позиционировал себя с гораздо большей скромностью, чем в провинциях⁴⁸. Нельзя поэтому, исключать, что император, желавший соблюсти все правовые формальности, до определенной поры держал сенат (от которого зависело формальное утверждение адопции) в неведении о своем самоусыновлении⁴⁹, хотя и представляется необоснованным предположение К. Андо о том, что Север впервые официально уведомил сенат о своем (и Каракаллы) усыновлении в феврале 197 г. в письме, направленном сенату вместе с головой поверженного Альбина (Hdn. III. 8.1; Dio Cass. 76[75].7.3)⁵⁰.

В целом же, если судить по эпиграфическим и нумизматическим данным, новая номенклатура Септимия Севера и его сыновей утвердилась без каких бы то ни было серьезных сложностей⁵¹. Его инновации в этой сфере вписывались в рамки существовавших прецедентов (в том числе и того «династического строительства», которое в свое время осуществлял Август, являвшийся для Севера одним из образцов

⁴⁵ AE 1982, 817. См.: *Soproni S.* Die Caesarwürde Caracallas und die syrischen Kohorte von Szentendre // *Alba Regia*. 1980. Vol. 18. S. 39–51.

⁴⁶ *Hekster O.* Emperors and Ancestors... P.210; *Ando C.* Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley, 2000. P. 185–186.

⁴⁷ *Hekster O.* Emperors and Ancestors... P.211.

⁴⁸ *Ibid.* P.212. См. также: *Ando C.* Imperial Ideology and Provincial Loyalty... P. 186–187 (с другими примерами провинциальных надписей 195 г., в которых указывается на «родство» Севера с Антонинами).

⁴⁹ *Ando C.* Imperial Ideology and Provincial Loyalty... P. 184.

⁵⁰ *Ibid.* P. 188.

⁵¹ *Hekster O.* Emperors and Ancestors... P.216–217.

для подражания⁵²), хотя, по всей видимости, от строгого соблюдения юридических формальностей пришлось отступить⁵³. В отличие от Флавиев, которые образовали новую династию без какой бы то ни было прямой связи с предыдущей, Север сделал ставку на непосредственную, хотя и искусственную, преемственность — даже несмотря на то, что Коммод дискредитировал ее, подобно Нерону. Генеалогическая фикция преследовала цель убедить подданных в политическом консенсусе и нацеленности новой власти на общее благо⁵⁴. Сама же идея преемственности с правлением Антонинов, символически выраженная в фиктивном родстве и смене имен, очевидно, отвечала настроениям и чаяниям основных политических сил (армии, римских граждан, провинциальных элит). И соответствующие действия Севера в данном направлении себя оправдали и создали соответствующие ориентиры для последующих правителей, для которых приобщение к имени Антонинов стало существенным элементом ономастической политики и легитимации власти.

Проблемы же эти чрезвычайно остро встали после насильственной смерти Каракаллы в апреле 217 г. во время его восточного похода.⁵⁵ Новым императором был провозглашен префект претория Марк Опеллий Макрин, который и организовал заговор, опасаясь за собственную жизнь, и как человек незнатного происхождения⁵⁶ оказался в весьма затруднительном положении, в том числе и с точки зрения обеспечения политической лояльности армии, любившей Каракаллу, и сената, недовольного его «тираническими» замашками⁵⁷ и явно не питавшего симпатий к новопровозглашенному принцепсу, первому парвеню на императорском престоле. Действительно, если воины настояли на обожествлении погибшего правителя, что было утверждено и постановлением сената⁵⁸, то реакция сенаторов и жителей Рима на смерть Каракаллы была совершенно иной. Но прежде чем рассмотреть попытку Макрина вписаться в династическую линию Северов-Антонинов и в то же время создать собственную династию, стоит остановиться на соотношении титульных имен и неофициальных прозвищ старшего сына Септимия Севера.

3. Magnus... Caracalla

Надо сказать, что второй представитель Северовской династии не только питал, подобно Коммоду, слабость к величавым титульным именам, но и при всей своей болезненной обидчивости был отнюдь не чужд своеобразного, хотя доволь-

⁵² См.: Cooley A. *Septimius Severus. The Augustan Emperor // Severan Culture* / eds S. Swain, St. Harrison, J. Elsner. Cambridge; New York, 2007. P. 385–397; Barnes T. D. *Aspects of the Severan Empire. Part I. Severus as a New Augustus // New England Classical Journal*. 2008. Vol. 35, N 4. P. 251–267.

⁵³ *Prévost M. H. Les adoptions politiques à Rome*. P. 58.

⁵⁴ *N'Guyen-Van V. Démontrer sa légitimité... P. 2.*

⁵⁵ См.: Scott A. G. *Dio and Herodian on the Assassination of Caracalla // Classical World*. 2012. Vol. 106, N 1. P. 15–28.

⁵⁶ Это особенно подчеркивает Кассий Дион (78[79]. 11.1: γονέων ἀδοξοτάτων ἦν); ср.: SHA. *Macr.* 4.3–6. Подробнее о происхождении и карьере Макрина см.: Scott A. G. *Change and Discontinuity within the Severan Dynasty: the Case of Macrinus*. PhD Diss. New Brunswick, 2008. P. 48–71; *Pasek S. Imperator Caesar Didius Iulianus Augustus... S. 46 ff.*

⁵⁷ Scott A. G. *Change and Discontinuity within the Severan Dynasty*. P. 41 ff.

⁵⁸ Dio Cass. 78(79).9.2; 79(80).2.6; SHA. *Carac.* 11. 5–6; *Macr.* 5.9; 6.8. При Макрине были выпущены монеты с легендой DIVO ANTONINO MAGNO (RIC IV.2, no. 717–720). Также Каракалла именовался при Гелиогабале и Александре Севере их «отцом»: *divus Magnus Antoninus* (см., напр.: CIL XI, 1230; ILS 469; 470; 472; 1168) или *divus Magnus Antoninus Pius* (см., напр.: ILS 471; 479; 480).

но мрачного чувства юмора, ценил острое слово и удачную шутку (в том числе и обыгрывавшую то или иное имя). Кассий Дион, имевший возможность близко общаться с этим императором⁵⁹, приводит несколько выразительных анекдотов на этот счет. Так, он щедро одарил консуляра Юния Паулина, «потому что этот остро-слов⁶⁰, сам того не желая, допустил шутку над императором. Он сказал, что Антонин выглядит рассерженным на кого-то, тогда как Антонину было свойственно напускать на себя суровость» (78[77]. 11. 1²). Соль шутки, возможно, заключается в том, что Паулин сказал: «Ты выглядишь рассерженным», действительно полагая, что гневное выражение лица было обычным для Каракаллы, тогда как тот в данный момент и в самом деле был рассержен⁶¹. После же погрома, учиненного в Александрии, причиной которого, по единодушному мнению историков того времени, стал гнев Каракаллы на язвительные шутки александрийцев в его адрес⁶², император с гордостью носил прозвище «Авсониев зверь» (ὁ Αὐσονίως θήρ), как он был назван в одном из данных ему предсказаний⁶³, «но вместе с тем убил многих людей за упоминание об этом пророчестве» (78[77]. 23. 4).

К «ономастическим» анекдотам можно отнести и два сообщения в жизнеописании Каракаллы. В одном говорится, что после победы над германцами император в шутку или всерьез приказал называть себя «Германским» и утверждал, что если бы одолел луканцев, его следовало бы именовать «Луканским» (Carac. 5.6)⁶⁴. Каракалла действительно в числе своих *cognomina ex virtute* имел титул *Germanicus Maximus*⁶⁵, но в данном случае обыгрывается многозначность слова *germanus*, ко-

⁵⁹ Об отношении историка и императора см.: *Davenport C. Cassius Dio and Caracalla // Classical Quarterly*. 2012. Vol. 62, N 2. P. 796–815; *Scott A. G. Cassius Dio, Caracalla, and the Senate // Klio*. 2015. Bd. 97(1). P. 157–175.

⁶⁰ Этот насмешник не щадил своими остротами и старшего Севера, и тот даже заключил его под стражу. «Когда же тот и в узилище, — пишет Дион, — продолжал насмехаться над правителями, Север послал за ним и поклялся, что отрубит ему голову. Он же отвечал: “Ты можешь ее отрубить, но пока она цела, ни тебе, ни мне ее не сдержать”. Север рассмеялся и отпустил его» (78[77]. 11.1^a).

⁶¹ Ср. несколько иную интерпретацию этого эпизода у Петра Патриция: «Антонин, пригласив к себе этого человека, позволил ему написать несколько стихов о себе самом. Тот оказался искусным острословом, заявив, что Антонин всё время выглядит рассерженным; он сказал это в шутку, но этим [замечанием] весьма польстил [императору], поскольку тот всегда желал иметь вид грозный, свирепый и суровый. Поэтому [Антонин пожаловал] ему двести [пятьдесят] тысяч [денариев]...» (Exc. Vat. 143). О напускной угрюмости, которую Каракалла практиковал с юности, причем в связи со стремлением походить на Александра Великого, см.: SHA. Carac. 2.1.

⁶² Dio Cass. 78(77). 22.1–23.4; Hdn IV. 8.6–9.8. — В биографии Каракаллы об этих насмешках не упоминается (Carac. 6.2–3). Жители Александрии злословили по поводу убийства Каракаллой Геты и называли его мать Юлию Домну Иокастой, намекая на кровосмесительную связь с сыном, а также высмеивали его подражание Александру Великому. О политической подоплеке слухов о связи Каракаллы с матерью см.: *Davenport C. The Sexual Habits of Caracalla: Rumour, Gossip, and Historiography // Histos*. 2017. Vol. 11. P. 75–100. События в Александрии имели место между декабрем 215 и апрелем 216 г. Из недавних работ, посвященных этому эпизоду, см.: *Berenger-Badel A. Caracalla et le massacre des Alexandrins: entre histoire et légende noire // Le Massacre, objet d’histoire / ed. D. El Kenz*. Paris, 2005. P. 121–139; *Rodriguez C. Caracalla et les Alexandrins: coup de folie ou sanction legale? // Journal of Juristic Papyrology*. 2012. Vol. 42. P. 229–272.

⁶³ Об этом пророчестве Дион упоминает выше в 78(77).16. 8.

⁶⁴ «Et cum Germanos subegisset, Germanum se appellavit vel ioco vel serio, ut erat stultus et demens, adserens, si Lucanos vicisset, Lucanicum se appellandum».

⁶⁵ *Kneißl P. Die Siegestitulatur der römischen Kaiser. Untersuchungen zu den Siegerbeinamen des ersten und zweiten Jahrhunderts*. Göttingen, 1969. S. 242; *Supesteyn P. J. Die Siegestitulatur Γερμανικός μέγιστος des Caracalla und die Papyri // Symbolae Osloenses*. 1983. Vol. 58, N 1. P. 129–132.

торое означает и «родной брат», и «германец», и «германский», так что почетный когномен можно было понимать как «Победитель брата» (т. е. убитого Геты)⁶⁶, как и в другой шутке, которую биограф приписывает Гельвию Пертинаксу (сыну императора), который, когда Каракалле были присвоены прозвания Германского, Парфянского, Арабского и Алеманского⁶⁷, предложил добавить еще Величайший Гетский (Geticus Maximus — по аналогии с Gothicus, поскольку готов именовали также гетами), намекая опять-таки на убитого младшего брата (Carac. 10.6; Geta 6.6). Что касается эпитета «Луканский», образованного от названия народа луканов, который римляне победили еще во времена войн с Пирром, то эта параномасия получает свой юмористический эффект, отсылая к наименованию сорта колбасы⁶⁸.

Другие истории связаны с известной «александроманией» Каракаллы, который, по некоторым свидетельствам, даже приказал называть себя Великим Александром (Epit. de Caes. 21.4)⁶⁹. По рассказу Диона, одного офицера, родом македонянина, император повысил в чинах и даже причислил к сенаторам в ранге претория только за то, что того звали Антигоном, а его отца — Филиппом (78[77]. 8. 1). Во время апелляционного судебного заседания с участием Каракаллы рассматривалось дело некоего преступника, не имевшего никакого отношения к Македонии, по имени Александр, «и обвинитель постоянно твердил “кровожадный Александр”, “ненавистный богам Александр”. Тогда Антонин пришел в ярость, словно услышав дурное о самом себе, и сказал: “Если тебе недостаточно [сказать] “Александр”, можешь быть свободен”» (78[77]. 8. 3). Вряд ли в данном случае имело место сознательное стремление уязвить императора, но Дион явно указывает на то, что присутствовавшие на процессе могли усмотреть здесь намек на демонстративное самоотожествление Каракаллы с македонским царем. Эта доходившая до абсурда *imitatio Alexandri*⁷⁰, несомненно, раздражала по меньшей мере часть сенатской элиты, чье отношение к Каракалле было явно негативным, и историк с откровенным сарказмом называет его οὐτος ὁ φιλαλεξανδρῶτατος — «сей величайший поклонник

⁶⁶ Аналогичная игра слов использована и в шутке Цицерона (Germanum Cimber occidit), которую приводит Квинтилиан (Quint. Inst. VIII. 3.29), и в тех куплетах, что распевали воины во время триумфа Лепида и Мунация Планка, намекая на то, что во время проскрипций у обоих погибли родные братья: De Germanis, non de Gallis duo triumphant consules (Vell. Pat. II. 67.3–4). Об этой шутке Каракаллы см.: *Hohl E.* Ein politischer Witz auf Caracalla: Ein Beitrag zur Historia-Augusta-Kritik // Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Gesellschaftswissenschaften, Ost Deutsche Akademie der Wissenschaften Berlin Sitzungsberichte; Jahrg. 1950. N 1. S. 1–20. Ср.: *Mastino A.* Le Titolature di Caracalla e Geta... P. 56–57.

⁶⁷ В числе победных имен Каракаллы были Parthicus Maximus, Britannicus Maximus, Arabicus, Adiabenicus, но Alamannicus и Sarmaticus — это изобретения автора биографии Каракаллы и Геты. См.: *Kneißl P.* Die Siegestitulatur der römischen Kaiser... S. 164.

⁶⁸ *Reekmans T.* Notes on Verbal Humour in the Historia Augusta. P. 187–188.

⁶⁹ В свою очередь, Александра он стал называть восточным Августом — ἑφὼν Αὐγούστου (Dio Cass. 78[77].7.2).

⁷⁰ Dio Cass. 78 (77).7.1–8.3; 22.1; Hdn. IV.8.1–2; 8.6; 8.9; IV.9; SHA. Carac. 2.1–2; Epit. de Caes. 21.4. — Красноречиво в этом плане свидетельство Геродиана, который пишет, что ему довелось видеть «смехотворные изображения: нарисовано одно тело, а в круге, рассчитанном на голову одного человека, по половине лица каждого: одна от Александра, другая — от Антонина» (IV.8.2; пер. А. К. Гаврилова). Подробнее об александромании Каракаллы см.: *Molina Marin A. I.* Desmontando un tirano perfecto: Caracalla y la imitatio Alexandri // Studia Historica: Historia Antigua. 2015. Vol. 33. P. 223–250; *Carlsen J.* Alexander the Great in Cassius Dio // Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician / eds J. M. Madsen, C. H. Lange. Leiden; Boston, 2016. P. 324–328; *Mallan C. T.* The Spectre of Alexander: Cassius Dio and the Alexander-motif // Greece & Rome. 2017. Vol. 64, iss. 2. P. 132–144.

Александра», используя субстантивированное прилагательное в превосходной степени (78[77]. 9.1).

Сам же Каракалла, по-видимому, вполне серьезно относился к использованию образа македонского царя в своей политике, и если и не присвоил себе его имени, то по крайней мере включил в свое официальное наименование титульный эпитет *Magnus*, явно отсылавший к великому завоевателю, причем, возможно, сделал это в 212 г. в связи с изданием своего знаменитого эдикта о даровании римского гражданства всем свободным жителям империи, который можно расценивать как подражание универсалистской парадигме Александра⁷¹. Однако все его попытки предстать новым «римским Александром» потерпели неудачу. Несмотря на громкие титулы и смену имени в связи с фиктивным усыновлением, он вошел в историю под прозвищем *Caracalla* / *Caracallus*⁷². Причем, как и в случае с Калигулой, первоначально это было семантически нейтральное имя, *term of endearment*, выражавшее связь между правителем и его солдатами, но, подхваченное позднейшей враждебной традицией, оно превратилось в уничижительное прозвище⁷³. Символический капитал официально принятых династических имен и титулов оказался в данном случае недостаточным, чтобы противодействовать контрнаименованию в виде прозвищ, спонтанно возникавших и распространявшихся среди подданных.

Столкновение этих двух модусов наименования находит свое отражение в рассказе Диона о реакции в столице на погребение праха Каракаллы в гробнице Антонинов⁷⁴. По словам историка, «решительно все ненавидели его лютой ненавистью» и, несмотря на оказанные ему внешние почести, «постоянно говорили о нем много дурного; и его уже не именовали более Антонином, но одни называли его прежним именем — Бассианом, другие — Каракаллой... третьи — Таравтом⁷⁵ в подражание прозвищу одного гладиатора, который внешностью был в высшей степени жалок и уродлив, но нравом весьма дерзок и кровожаден» (79[78]. 9. 3). При этом «никто не осмелился публично говорить о Таравте такие дерзости, так

⁷¹ *Mastino A.* Antonino Magno, la cittadinanza e l'impero universale // La nozione di "romano" tra cittadinanza e universalità: Atti del 2. Seminario internazionale di studi storici "Da Roma alla terza Roma", 21–23 aprile 1982, Roma, Napoli, 1984. P.559–563. — Об эпитете *Magnus* в титулатуре Каракаллы см.: *Mastino A.* *Magnus nella titolatura degli imperatori romani* // Il titolo di "Magno" dalla Repubblica all'Impero al Papato Giovanni Paolo Magno / a cura di Maria Pia Baccari e Attilio Mastino. Modena, 2009. P.16–26; *Imrie A.* *The Antonine Constitution: an Edict for the Caracallan Empire.* Leiden; Boston, Brill, 2018. P.100–107.

⁷² *Dio Cass.* 78(79). 3. 3: «...Он придумал себе наряд... разновидность шерстяного плаща, сшитого по-варварски из лоскутов; и не только сам всегда так одевался (за что и получил прозвище Каракалла), но и солдат заставлял постоянно носить такую одежду». Ср.: *Eutrop.* VIII. 20.1; *Aur. Vict.* *Caes.* 21. 1; *Epit. de Caes.* 21. 2; 23. 1; *SHA. Sev.* 21. 11; *Carac.* 9. 7; *Diad.* 2. 7; *Zonar.* XII. 13. Об этой разновидности плаща и происхождении прозвища см.: *Wild J.P.* *The Caracallus* // *Latomus.* 1964. Vol. 23. P.532–536; *Kramer J.* *Zu Bedeutung und Herkunft von caracalla* // *Archiv für Papyrusforschung.* 2002. Bd. 48/2. S.247–256. — О том, что такого рода прозвище могло рассматриваться и как вполне положительный знак, свидетельствует сообщение (хотя и малонадежное) в биографии Диадумениана: его отец, став императором, приготовил в качестве подарка народу дорожные плащи розового цвета, желая, чтобы они назывались антониновскими, и считая, что прозвание, которое получит его сын, — *Paenuleus* или *Paenularius* (от *paenula*) — лучше, чем *Caracallus* (*Diad.* 2.8).

⁷³ *Bruun C.* *Roman Emperor in Popular Jargon.* P.93.

⁷⁴ Ср.: *SHA. Carac.* 9.1; 12; *Macr.* 5.2–3; *Eutrop.* VIII. 20; *Aur. Vict.* *Caes.* 21. 6; *Epit. de Caes.* 21. 7. Это был мавзолей Адриана, где был погребен и Септимий Север (*Dio Cass.* 77.15.4).

⁷⁵ Ср.: *Zonar.* XII. 13. — Показательно, что сам Дион в своем последующем повествовании больше не называет Каракаллу Антонином, но использует либо прозвище Таравт, либо имя Бассиан.

же как и объявить его врагом народа, опасаясь немедленной гибели от рук воинов, находившихся в Городе, но украдкой граждане осыпали его бранью и оскорбляли, как могли... и сравнивали его с самыми ужасными тиранами, которые когда-либо ими правили» (79[78]. 17. 4). Какого рода могли быть эти оскорбления, показывает пассаж из жизнеописания Макрина о реакции сената на известие о его провозглашении императором: «Кого угодно, только не братоубийцу (*parricidam*). Кого угодно, только не кровосмесителя (*incestum*). Кого угодно, только не грязного человека (*inpurum*). Кого угодно, только не убийцу сената и народа (*interfectorem et senatus et populi*)» (SHA. Маср. 2. 4).

Как видим, во время династического кризиса вопрос наименования выдвигается на передний план, имена и прозвища правителя служат концентрированным выражением реакции различных общественных групп на происходящую смену власти.

4. Magni nominis umbra

Опеллий Макрин в своей династической политике выбрал ту же линию, что и Септимий Север⁷⁶. Это наглядно видно и в принятой титулатуре, и в изменениях имен его и его сына Диадумена⁷⁷. Подобно тому как Север принял когномен *Pertinax*, а затем произвел фиктивное усыновление в род Аврелиев-Антонинов, чтобы подчеркнуть преемственность с этими своими предшественниками, так и Макрин взял когномен *Severus*, а своему девятилетнему сыну Диадумениану, якобы по настоянию войска, скорбевшего о Каракалле, дал титул Цезаря и имя Антонина⁷⁸, а примерно через год, когда возникла угроза со стороны приверженцев Элагабала, добавил к ним титулы *Imperator* и *Augustus* (Dio Cass. 78.34.1). Таким образом, официальное полное имя Макрина звучало как *Imperator Caesar M. Opellius Severus Macrinus Pius Felix Augustus*, его сына — *M. Opellius Antoninus Diadumenianus Caesar* (см., напр: CIL II, 4790; III, 3714; VIII, 4598), а позже — *Imperator Caesar Marcus Opellius Antoninus Diadumenianus Augustus*. Правда, по свидетельству Диона, в одном из писем в сенат Макрин «называл сына Диадуменианом⁷⁹, но не упомянул

⁷⁶ Cp. Scott A. G. Change and Discontinuity within the Severan Dynasty. P.90, 103, 162 f.

⁷⁷ См.: Marasco G. L'idéologie impériale de Macrin // Revue des Études Anciennes. 1996. T. 98, N 1–2. P.187–195; Baharal D. The emperor Macrinus. Imperial propaganda and the gens Aurelia // Gli imperatori Severi. Storia, archeologia, religione / a cura di E. dal Covolo, G. Rinaldi. Roma, 1999. P.47–65; Scott A. G. Change and Discontinuity within the Severan Dynasty. P.72–103. Мне остались недоступными работы: Cavuoto P. Nome e titoli di Macrino e Diadumeniano // Ottava miscellanea greca e romana. 1982. Vol. 8. P.335–350; Baharal D. The Emperor Marcus Opellius Macrinus and the Gens Aurelia // Classical Studies in Honor of David Sohlberg / eds R. Katzoff, Y. Petroff, D. Schaps. Ramat Gan, 1996. P.415–432.

⁷⁸ Макрин как *Severus*: Dio Cass. 79(78). 16. 2; 37.5 (Дион особо подчеркивает, что новыми титулами и именем Макрин подписывал письма сенату, не дожидаясь сенатского утверждения своих полномочий); SHA. Маср. 2.1 (с ошибочным утверждением, что Макрин именовал себя еще и Антонином); 5.7; 11.1–2 (Макрин якобы хотел именоваться также и Пертинаксом, так как оба имени казались ему обозначением суровости). *Severus* в имени Макрина подтверждается монетами, надписями и остраконами, см., напр.: RIC IV.2, no. 1–99; 119–210; BMC V, no. 1–81; 97–148; CIL II, 4789; III, 5708; VIII, 4598; O. Bodl. 1607, 1; O. Strasb. 404,1; 405,1. Диадумениан как Антонин: Dio Cass. 79(78). 19. 1–2; 37.6; Hdn. V.4.12; Aur. Vict. Caes. 22. 2; SHA. Маср. 3.8–9; 5.1; 7.5; 10.6 (*velut nothus adpositus* — «причислен [к имени Антонинов] как побочный сын»); Diad. 1.1–2.10; 6.10; Erit. de Caes. 22.1; Eutrop. VIII. 21; RIC IV.2, no. 13–14; 100–128; BMC V, no. 83–96; 149–164.

⁷⁹ Дион указывает также, что Макрин, считая, что ему предназначено судьбой получить императорскую власть, подобрал своему сыну имя, соответствующее его будущему положению

имени Антонин, несмотря на то, что мальчик обладал и этим именем» (79[78]. 37.6). Очевидно, в данном случае речь не идет о фиктивном усыновлении в семейство Северов, и дополнительные когномены в номенклатуре старшего и младшего Макринов имели сугубо символическое, «пропагандистское» значение, превращаясь, по сути, в титульные имена, подчеркивающие преемственность власти⁸⁰ и продолжение — прежде всего в лице сына-наследника — Северовской династии, связанной через адопцию с Антонинами. Стоит также обратить внимание, что новый император, обращаясь в сенат, просто ставит его перед фактом получения императорских титулов и новых имен либо умалчивает о последних (подобно тому как это делал Септимий Север в первое время после фиктивной адопции). Важно отметить и роль армейских кругов (преторианцев в Риме и легионов, находившихся вместе с императором на Востоке), которые иницируют и поддерживают символические акты, демонстрирующие преемственность власти (включая обожествление предшественника).

Однако квазидинастические устремления Макрина потерпели провал, после того как на наследие первых Северов заявили права влиятельные родственники сирийского происхождения со стороны императрицы Юлии Домны. Сестра последней Юлия Меса, вдова консула Юлия Авита Алексиана, вместе со своими дочерьми Юлией Созмиадой и Юлией Мамеей при помощи интриги активной агитации среди солдат, подкрепленной щедрыми денежными раздачами, обеспечили поддержку в войсках 14-летнему сыну Созмиады Сексту Варию Авиту Бассиану⁸¹, который в Эмесе был посвящен в верховные жрецы семитского бога Элагабала. Решающую роль в успехе переворота сыграл сознательно раздуваемый слух о том, что юноша был внебрачным сыном покойного Каракаллы, якобы имевшего связь со своей кузиной во время ее пребывания в Риме. Легионеры охотно в это поверили, тем более что заговорщики носили вокруг лагерного вала юного Авита, называя его Марком Аврелием Антонином, и изображение Каракаллы в детстве как подтверждение сходства между ними (Dio Cass. 78[79].31.3; 32.2; Hdn. V. 3.2; 9–12). Провозгласившие его императором (в Эмесе 16 мая 218 г.) воины III Галльского легиона дали ему имя его «отца», и он стал именоваться Marcus Aurelius Antoninus, divi Magni Antonini Pii filius, divi Severi Pii nepos (ILS 471; 475; 9058; AE 1964, 269; 1967, 653; 1991, 1542)⁸², причем в некоторых надписях его предки указываются вплоть до Нервы (CIL VIII, 10347; ILS 469; AE 1910, 157)⁸³. Таким образом, формально династия Северов-Антонинов была восстановлена, и, как пишет биограф, все сословия и весь народ были воодушевлены именем Антонина, «которое было у него не только титулом (non solum titulo), как у Диадумена, но, казалось, переданным ему в силу кровного родства» (etiam in sanguine redditum) (Hel. 3.1). Но ее новый представитель вошел в историю под прозвищем, каковым стало имя почитаемого им солнечного божества Элагабала или (в эллинизированной форме) Гелиогабала (Aur. Vict. Caes. 23.1; Epit. de Caes. 23.1–2; ср.: SHA. Carac. 9.2).

(79[78]. 5.2). Имя Диадумен — от слова «диадема»: SHA. Diad. 3.2–4.

⁸⁰ Baharal D. The emperor Macrinus... P.58 ff.

⁸¹ Бассианом называет его Геродиан, допуская, по-видимому, ошибку, чтобы подчеркнуть связь с Каракаллой. См.: Whittaker C. R. [Commentary] // Herodian. History of the Empire. Vol. II. Books 5–8. Cambridge, 1970. P. 18, not. 2. — Согласно Диону, так звали Алексиана, сына Мамеи (78.30.3).

⁸² Ср.: Dio Cass. 78(79).32.2; 80(79).2.2–3.

⁸³ Icks M. From Priest to Emperor to Priest-Emperor... P.334.

Именно фигура Элагабала обнаруживает наиболее острое и яркое противостояние официального и неофициального модусов наименования. Показательно в этом отношении уже то, что современник описываемых событий Кассий Дион начинает рассказ о его правлении с пассажа, перечисляющего пейоративные прозвища нового императора: «Итак, Авит, он же Лже-Антонин, он же Ассириец⁸⁴, он же Сарданапал⁸⁵, и он же Тиберин (такое прозвище было дано посмертно — после того, как его тело сбросили в Тибр⁸⁶) на следующий день после победы вступил в Антиохию...» (80[79].1.1). Другие источники пополняют этот реестр. Так, автор жизнеописания в дополнение к посмертному прозвищу Тиберин указывает еще два: Протащенный и Грязный (Tractatitius⁸⁷ et Inpurus), добавляя, что его называли «и многими другими именами — в зависимости от того, какое случившееся при нем событие хотели отметить» (Hel. 17.5). Неудивительно, что такой император, наиболее известный своими сексуальными извращениями, имел несколько соответствующих прозвищ. Одно из них придумал философ Элиан, назвавший его Γύννις (Бабень) в речи, сочиненной вскоре после смерти императора (Philostr. VS. II. 31.625)⁸⁸. Еще два характерных прозвища обнаруживаются в двух египетских папирусах, относящихся ко времени примерно через 50 лет после смерти Элагабала: в одном из них он назван Ἀντωνεῖνος ὁ κόρυφος («Антонин-распутник»), в другом — ὀνόσιος Ἀντωνίνος μικρός («нечестивый малютка Антонин») (Р. Оху. XLVI, 3298; 3299). Сохранность этих документов не позволяет понять контекст, в котором упомянуты прозвища, но сам по себе факт сравнительно долгой памяти о порочном правителе в провинции, где он никогда не бывал, примечателен. К этим прозвищам можно добавить имена, которыми, если верить поздним источникам, хотел называться сам Элагабал. Это, в частности, имя Bassiana, ж.р. от Бассиан (Epit. de Caes. 23.3), а также Fabius Gurges и Scipio (SHA. Hel. 26.2): так он называл себя, когда появлялся после обеда в далматике (просторной шелковой тунике), ибо в таком виде были выведены к народу родителями юные Фабий и Корнелий для исправления их нравов. Первое из них отсылает, предположительно, к отцу и сыну, консулам первой трети III в. до н.э., чей когномен происходит от слова со значением «мот, расточитель» и, как следует из сообщения Макробия, пошло от «растраченного отцовского наследства» (Macrob. Sat. III. 13.6).

Таким образом, Элагабал оказывается обладателем наибольшего числа унизительных прозвищ среди всех римских правителей. Это ни в коем случае не случайность. Все его поведение и внешность очень сильно отличались от римских тра-

⁸⁴ Ниже Дион разъясняет это прозвище: «Кроме того, он часто появлялся даже на людях в варварском одеянии, в которое облачались сирийские жрецы. Главным образом благодаря этому его прозвали Ассирийцем» (80[79].11.2). Об экзотической манере Элагабала одеваться ср. подробности, приводимые Геродианом (V. 5.3–4). О восточных чертах в его образе см.: Sommer M. Elagabal — Wege zur Konstruktion eines 'schlechten' Kaisers // Scripta Classica Israelica. 2004. Vol. 23. P. 104–106; Icks M. Heliogabalus, a monster on the Roman throne: The literary construction of a 'bad' emperor // KAKOS. Badness and Anti-Value in Classical Antiquity / eds I. Sluiter, R. M. Rosen. Leiden, 2008. P. 481–483.

⁸⁵ Сарданапал — полумифический ассирийский царь, отличавшийся изнеженностью и порочностью (Hdt. II. 150; Dio Chrys. Or. 1.3 sq.).

⁸⁶ Ср. ниже: Dio Cass. 80.20.2, а также: SHA. Hel. 17.2–7; 33.7; Hdn. V. 8.9; Epit. de Caes. 23.6.

⁸⁷ Ср.: Epit. de Caes. 23.5–7 (с несколько иной формой одного из наименований: Tracticius).

⁸⁸ Тот факт, что речь была составлена *post mortem tyranni*, не значит, что подобное прозвище не было в ходу при его жизни.

диций и нравов. Каждое из названных прозвищ по-своему красноречиво. Часть из них прямо указывает на пороки юного правителя. Другие представляют собой дисфемизмы, характерные для «проклятия памяти».

Что касается прозвища Лже-Антонин (Ψευδαυτωνίνος), то Дион с самого начала так именует Элагабала⁸⁹, очевидно, в силу своей уверенности в том, что настоящим его отцом был Варий Марцелл, знатный сириец, умерший незадолго до 218 г. (78[79].30.2). Но все же главной причиной использования такого наименования была полная противоположность всего облика и поведения Элагабала истинным Антонином⁹⁰. В этом отношении он предстает как моральный антипод своего кузена и преемника, возведенного на престол в результате мятежа преторианцев в марте 222 г. Примерно за год до этого сын Мамеи и Гессия Марцина, носивший имя M. Iulius Gessius Alexianus Bassianus, по инициативе Месы был усыновлен Элагабалом и возведен в ранг Цезаря, получив новое имя Александр⁹¹. Полностью он стал именоваться Марком Аврелием Севером Александром, сыном божественного Великого Антонина, внуком божественного Севера (см., напр: ILS 2009; 5854; AE 1937, 33). Именно для акцентирования связи с последним Александр получил когномен Severus, а вовсе не за свою дисциплинарную суровость по отношению к воинам, как утверждают позднейшие источники (SHA. A. Sev. 12.4; 25.1; Aur. Vict. Caes. 24.4).

Однако имя Антонина в его номенклатуру включено не было, хотя настойчиво предлагалось ему сенатом после провозглашения Августом. Этому отказу автор его жизнеописания посвящает целых семь глав в явно фиктивной сцене *gesta senatus* (A. Sev. 6–12). Здесь, как и в биографиях предшествующих императоров, подробно развивается тема *nomen Antoninorum*, которая действительно является «the most conspicuous single theme in the *Historia Augusta*»⁹², присутствуя в 19 из 30 императорских «жизней». Ее возможные источники, идейное, композиционное и литературно-стилистическое значение для сборника в целом неоднократно служили предметом исследования⁹³. Не останавливаясь на перипетиях изучения данного сюжета, отметим, что, независимо от того, считать ли такое увлечение *nomen*

⁸⁹ Геродиан (V.4.2) называет его просто «новый Антонин» (τὸν νέον Ἀυτωνίνου). Любопытно, что в SHA. Hel. 8.4 Лже-Антонином (Pseudoantoninum) Элагабал называл Диадумениана.

⁹⁰ Этот момент четко фиксируется и в позднейшей традиции; ср. Auson. Caes. 98: «Antoninorum nomina falsa gerens». Ср. SHA. Hel. 18.1: «Его образ жизни, нравы и порочность навлекли на него такую ненависть, что сенат даже уничтожил его имя» («vita, moribus, improbitate ita odibilis, ut eius senatus et nomen eraserit»), а также Hel. 33.8: «Таков был конец имени Антонинов в государстве, причем все знали, что это был ложный Антонин как по своей жизни, так и по имени» («Hic finis Antoninorum nomini in re p. fuit, scientibus cunctis istum Antoninum tam vita falsum fuisse quam nomine»).

⁹¹ Как подчеркивает Геродиан (V.7.3), «имя было изменено на имя македонянина, очень знаменитое и весьма почитаемое их мнимым отцом; ведь обе дочери Месы и сама старуха отныне гордились прелюбодеем Антонина, сына Севера, для того чтобы воины любили детей, считавшихся его сыновьями» (пер. В. С. Дурова). В биографии Александра перечисляются различные, преимущественно фантастические версии выбора этого имени, чтобы подчеркнуть его символическую связь с Александром Великим (A. Sev. 5.1–2).

⁹² Scholtemeijer J. *Historia Augusta: Nomen Antoninorum* // Acta Classica. 1976. Vol. 19. P. 105.

⁹³ Tropea G. *Antonini nomen negli "Scriptores Historiae Augustae"* // Rivista di Storia Antica. 1889. Vol. 4. P. 233–245; Syme R. *The Nomen Antoninorum* // Syme R. *Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta*. Oxford, 1971. P. 78–89; Scholtemeijer J.: 1) *Historia Augusta: Nomen Antoninorum*; 2) *A Literary Analysis of the Nomen Antoninorum in the HA*. PhD Thesis. Pretoria, 1980; Burgersdijk D. W. P. *Style and Structure of the Historia Augusta*. PhD Diss. University of Amsterdam. Amsterdam, 2010. P. 118–210; Daniels S. G. *Satire in the Historia Augusta*. P. 148–159.

Antoninorum результатом собственных пристрастий автора «Истории Августов», или заимствованием из какого-то источника (Мария Максима, написавшего жизнеописания императоров от Траяна до Элагабала в правление Александра, либо же латинских авторов IV в.), или же отражением реальной популярности Антонинов⁹⁴, для проблематики нашего исследования принципиально важно само наполнение императорского имени особым идеологическим содержанием, явным или неявным, что, как представляется, есть характерная общая установка римского политического сознания, а отнюдь не авторское изобретение. В связи с этим стоит обратить внимание на ряд мотивов в трактовках «имени Антонинов» на страницах сборника⁹⁵.

Во-первых, это определенная сакрализация данного имени, которая подчеркивается соответствующими эпитетами. Это и *sanctum illud nomen* (Sev. 20.3; Macr. 7.7; Hel. 2.4), и *nomenque illud venerabile* (Sev. 21.11), и *sacrum nomen* (A. Sev. 7.6), и *istud venerabile omnibus nomen* (A. Sev. 9.7), и *sacratum nomen* (Macr. 7.7), а также *amabile illis temporibus nomen Antoninorum* (Diad. 7.2) и *Antoninorum nomen vel iam numen potius* (A. Sev. 9.1.). Его носитель находится под защитой богов (Diad. 1.8; 7.6; 9.5–6). Оно было «столь славным (*tam clarum*), что, казалось, рядом с ним неуместно было поставить даже имя богов (*ut illi ne deorum nomen commode videretur adiungi*)» (Diad. 7.2).

Во-вторых, любовь к этому имени (*desiderium, amor, caritas nominis*) особенно велика среди воинов (Carac. 1.1; 8.10; Macr. 3.9; 10.2–3; Diad. 1.5; 2.10; 6.10; 7.2; 9.4), но оно дорого и всем людям: оно «настолько укоренилось в сознании людей, что его нельзя было вырвать — оно, как и имя Августа, полонило все сердца» («*omnium rectora velut Augusti nomen obsederat*») (Carac. 9.2; ср. Hel. 1.5; 3.1). По сути, оно приравнивается к имени Augustus и, подобно ему, почти превращается в титул (Sev. 19.3; Geta. 2.2; Carac. 9.2; A. Sev. 8.1; 10.3), неотъемлемый элемент императорской номинации⁹⁶. И его присвоение даже без фиктивной адопции, как в случае с Диадуменианом, в общем-то подтверждает этот тезис⁹⁷.

В-третьих, всё это обуславливалось в первую очередь памятью о хороших правителях, которые стали олицетворением добродетелей и почитались даже выше богов: «Антонины стояли у нас выше богов, и именно вследствие любви к трем государям, которой как бы освещались мудрость, доброта и благочестие, в лице Антонина — благочестие, в лице Вера — доброта, в лице Марка — мудрость» (Diad. 7.4; ср. пассаж из фиктивной речи Севера Александра в A. Sev. 9.1, где повторяется та же мысль, но олицетворением храбрости назван Каракалла). Поэтому от последующих носителей *nomen Antoninorum* ожидалось соответствие этим качествам, составлявшим канон императорских *virtutes* (*pietas, prudentia, innocentia, fortitudo*).

В-четвертых, в разработке темы «имени Антонинов» проводится мысль о последовательном опорочении этого имени преемниками Септимия Севера вплоть до

⁹⁴ Обзор точек зрения с ссылками на литературу вопроса см.: *Burgersdijk D. W. P. Style and Structure of the Historia Augusta*. P. 205–206.

⁹⁵ Эти мотивы суммированы в упомянутой диссертации: *Ibid.* P. 202–203.

⁹⁶ «...Любовь к этому имени была столь велика, что народ и воины не считали императорским то имя, в котором они не слышали имени Антонина» (SHA. Macr. 3.9). Ср. Diad. 6.2: «...Имя Антонинов в те времена было так любимо, что тот, кто не опирался на это имя, не считался заслуживающим императорской власти».

⁹⁷ В Hel. 3.1 применительно к Диадумениану оно прямо именуется *titulus*.

Элагабала (ср. в особенности Маср. 3.9), который стал *ultimus Antoninorum* и своим поведением и пороками до такой степени обесчестил данный когномен⁹⁸, что Александр Север, по версии автора его жизнеописания, наотрез отказался последовать призыву сената заново восстановить «блеск имени Антонинов» — *redde in integrum nomen Antoninorum* (A. Sev.7.2), не приняв и имени «Великий» (A. Sev.11.2–4).

Таким образом, имя Антонинов превратилось в «тень великого имени», *tu magni nominis umbra*, о которой писал Лукан, говоря о Помпее Великом (Lucan. Phars. I. 134–135). Имя, которое должно было помочь утвердиться новой династии, не могло изменить хода событий и тем более придать своим новым носителям чаемых качеств.

5. Заключение: «What's in a name?»

Характер самого сборника императорских биографий, изобилующего фиктивными речами, письмами, фантастическими подробностями и предсказаниями, преувеличениями, измышлениями, противоречиями и фактическими ошибками, в том числе и в истории императорской номенклатуры⁹⁹, не позволяет с уверенностью считать, что все названные мотивы, связанные с *nomen Antoninorum*, были в ходу уже в эпоху Северов, хотя этого нельзя исключать, если принять выводы Р. Сайма и Т. Барнса о Марии Максиме как источнике данной темы в «*Historia Augusta*»¹⁰⁰. Однако едва ли приходится сомневаться, что использование этого имени в решении династических проблем имело определенную идеологическую подоплеку. Персонафицированность политики в условиях *de facto* монархического режима выражалась, помимо прочего, в ономастической практике, которая «работала» на идею «семейной» преемственности власти, но при этом императорские имена, как мы могли видеть, осмыслялись и с точки зрения их буквального значения (Pertinax, Severus, Diadumenianus), и с точки зрения ассоциаций со знаковыми фигурами, ранее занимавшими императорский престол и ставшими олицетворением добродетелей правителя. Имя императора вместе с его титулами служило концентрированным символическим выражением властного положения и притязаний правителя, что было особенно важно в условиях ограниченных средств массовой коммуникации, чтобы донести до подданных империи, так сказать, официальный курс верховной власти, и римские ономастические традиции, допускавшие (и даже предполагавшие) *mutatio nominis* при смене семейного или политического статуса, задавали определенные основания для этого процесса.

В то же время эти традиции включали наделение политических деятелей разного рода неофициальными прозвищами, зачастую пейоративного или юмористического свойства, которые следует рассматривать как форму выражения реакции тех или иных общественных групп на поведение и личностные особенности

⁹⁸ Александр в своей речи к сенаторам подчеркивает, что «в кружках простого народа и знатных людей все в один голос говорили, что грешно (*inerte*) называть его Антонином, что эта язва бесчестит столь великое имя» (SHA. A. Sev. 9.4).

⁹⁹ *Burgersdijk D. W. P. Style and Structure of the Historia Augusta*. P. 129.

¹⁰⁰ *Syme R. Ignotus, the Good Biographer // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1966/1967*. Bonn, 1968. P. 131–153; *Barnes T. D. Ultimus Antoninorum // Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1970*. Bonn, 1972. P. 53–74.

правителей. Эти прозвища, включая дисфемизмы и негативное переименование официальных или семантически нейтральных имен, возникали там и тогда, где и когда появлялся «засор», явное расхождение между общественными ожиданиями и реальным моральным обликом правителя. При этом даже положительные правители могли стать обладателями насмешливых прозвищ, как, например, последний из Северов. Если верить свидетельству его биографа, среди антиохийцев, египтян и александрийцев он именовался «сирийцем», сирийским архисинагогом и первосвященником (archisynagogus, archiereus — A. Sev. 28.7). Т. Реекманс находит в этих прозвищах подлинную и довольно остроумную двусмысленность, неправильно понятую биографом: по-видимому, какой-то греческий историк, использованный в биографии, сообщил, что восточные подданные называли Александра ἀρχισυναγωγός вместо ἀρχιερεύς (= pontifex maximus), таким образом указывая на сбор податей — συναγωγή χρημάτων / aurum colligendum (A. Sev. 44.1; 64.3)¹⁰¹.

Императорские прозвища с более или менее юмористической окраской, как продукт индивидуального и коллективного творчества, использовались в пропагандистской борьбе и повседневной политической жизни. Среди авторов различных прозвищ мы видим городское население (плебс, толпа) как Рима, так и провинциальных городов, театральную публику, риториков и поэтов, мятежных командиров и претендентов на власть, аристократических оппозиционеров и т. д. Все они были вовлечены в противоречивую коммуникацию между правителями и подвластными или в пропагандистскую борьбу, одновременно являясь ее целевой аудиторией или активными, хотя в основном анонимными участниками. Меткое насмешливое прозвище обозначало антиценности, высмеивало негодность правителя и подрывало его репутацию, а иногда становилось широко используемым квазикогноменом. Многие прозвища и апеллятивы носили эфемерный, нерегулярный характер, их смысл и эффект зависели от конкретного контекста. Но, взятые в целом, они демонстрируют возможный масштаб и общие тенденции в практике именования. Политическая система принципата и сама атмосфера лицемерия способствовали двойному значению и двойственному мышлению, что находит отражение в двойной системе номенклатуры правителей. Официальное название и титул символизировали силу, добродетели, власть и законность императоров; неофициальное прозвище было его оборотной стороной, которая указывала на их пороки. Сохранение этих прозвищ в литературных источниках показывает, что все меры, которые правители предпринимали для контроля за своей номинацией (включая неофициальные имена), были бесполезны против силы контрнаименования со стороны подвластных.

References

- Abaecherli Boyce A. Caracalla as “Severus”. *The American Numismatic Society Museum Notes*, 1958, vol. 8, pp. 81–98.
- Aja Sánchez J. R. Imprecaciones senatoriales contra Cómodo en la “Historia Augusta”. *Polis*, 1993, vol. 5, pp. 5–21.
- Alföldy G. *Die Bauinschriften des Aquäduktes von Segovia und des Amphiteaters von Tarraco*. Mit einem Anhang von P. Witte. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1997, vii, 110 S.

¹⁰¹ Reekmans T. Notes on Verbal Humour in the Historia Augusta. P. 181.

- Ando C. *Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire*. Berkeley, University of California Press, 2000, xxi, 515 p.
- Ardanaz Fernández S., Fernández González R. El consensus y la auctoritas en el acceso al poder del emperador Septimio Severo. *Antigüedad y Cristianismo*, 2006, vol. 23, pp. 23–37.
- Baharal D. *The Dynastic Aspect of the Imperial Propaganda of the Severi: The Literary and Archaeological Evidence, AD 193–235*. Oxford, Tempus Reparatum, 1996, ix, 116 p.
- Baharal D. The Emperor Macrinus. Imperial propaganda and the Gens Aurelia. *Gli imperatori Severi. Storia, archeologia, religione*. Aa cura di E. dal Covolo, G. Rinaldi. Roma, LAS, 1999, pp. 47–65.
- Baharal D. The Emperor Marcus Opellius Macrinus and the Gens Aurelia. *Classical Studies in Honor of David Sohlberg*. Eds R. Katzoff, Y. Petroff, D. Schaps. Ramat Gan, Bar Ilan University Press, 1996, pp. 415–432.
- Baharal D. Portraits of the Emperor L. Septimius Severus (193–211 A. D.) as an Expression of his Propaganda. *Latomus*, 1989, vol. 48, pp. 566–580.
- Baldwin B. Acclamations in the Historia Augusta. *Athenaeum*², 1981, vol. 49, pp. 138–149.
- Ballester X. Antroponimia y Humor en la Literatura Romana. *Laburna*, 2014, vol. 7, pp. 15–44.
- Barnes T. D. The Family and Career of Septimius Severus. *Historia*, 1967, Vol. 16, pp. 87–107.
- Barnes T. D. Aspects of the Severan Empire. Part I. Severus as a New Augustus. *New England Classical Journal*, 2008, vol. 35, no. 4, pp. 251–267.
- Barnes T. D. Ultimus Antoninorum. *Bonner Historia-Augusta-Colloquium* 1970. Bonn, R. Habelt, 1972, pp. 53–74.
- Berenger-Badel A. Caracalla et le massacre des Alexandrins: entre histoire et légende noire. *Le Massacre, objet d'histoire*. Ed. par D. El Kenz, Paris, Gallimard, 2005, pp. 121–139.
- Birley A. *Septimius Severus: The African Emperor*. London, Routledge, 1999, xii, 292 p.
- Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Ed. by J. B. Thompson; transl. by G. Raymond & M. Adamson, Cambridge, Polity Press, 1991, 320 p.
- Bruun C. Roman Emperor in Popular Jargon: Searching for Contemporary Nicknames (I). *The Representation and Perception of Roman Imperial Power. Proceedings of the Third Workshop of the International Network Impact of Empire, Rome 2002*. Eds L. de Blois et al. Amsterdam, Gieben, 2003, pp. 69–98.
- Burgersdijk D. W. P. Pliny's Panegyricus and the Historia Augusta. *Arethusa*, 2013, vol. 46, pp. 289–312.
- Burgersdijk D. W. P. *Style and Structure of the Historia Augusta*. PhD Diss. University of Amsterdam, Amsterdam, 2010, 295 p.
- Carlsen J. Alexander the Great in Cassius Dio. *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician*. Eds J. M. Madsen, C. H. Lange. Leiden; Boston, Brill, 2016, pp. 316–331.
- Cavuto P. Nome e titoli di Macrino e Diadumeniano. *Ottava miscellanea greca e romana*, 1982, vol. 8, pp. 335–350.
- Cooley A. Septimius Severus. The Augustan Emperor. *Severan Culture*. Eds S. Swain, St. Harrison, J. Elsner. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2007, pp. 385–397.
- Corbeil A. *Controlling Laughter: Political Humor in the Late Roman Republic*. Princeton, Princeton University Press, 1996, x, 251 p.
- Corbier M. L'Écriture dans l'espace public romain. *L'Urbs: Espace urbain et histoire (Ire siècle av. J.-C. — IIIe siècle après J.-C.)*: Actes du colloque international de Rome (8–12 mai 1985). Rome, École Française de Rome, 1987, pp. 27–60.
- Cordovana O. D. Between History and Myth: Septimius Severus and Leptis Magna. *Greece & Rome*, 2012, vol. 59, pp. 56–75.
- Daniels S. G. *Satire in the Historia Augusta*. PhD Diss. University of Florida, Florida, 2013, 190 p.
- Davenport C. Cassius Dio and Caracalla. *Classical Quarterly*, 2012, vol. 62, no. 2, pp. 796–815.
- Davenport C. The Sexual Habits of Caracalla: Rumour, Gossip, and Historiography. *Histos*, 2017, vol. 11, pp. 75–100.
- Gonçalves A. T. M. Rupturas e continuidades: os Antoninos e os Severos. *Fênix — Revista de História e Estudos Culturais*, 2007, vol. 4, ano IV, no. 1, pp. 1–15.
- Gonçalves A. T. M. Septímio Severo e a Consecratio de Pertinax: Rituais de morte e poder. *História* (São Paulo), 2007, vol. 26, no. 1, pp. 20–35.
- Hammond M. Imperial Elements in the Formula of the Roman Emperors during the first two and a half Centuries of the Empire. *Memoirs of the American Academy in Rome*, 1957, vol. 25, pp. 19–64.
- Hannestad N. *Roman Art and Imperial Policy*. Aarhus, Aarhus University Press, 1986, 485 p.
- Hasebroek J. *Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Septimius Severus*. Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921, vii, 201 S.

- Hekster O. All in the Family: The Appointment of Emperors Designate in the Second Century A. D. *Administration, Prosopography and Appointment Policies in the Roman Empire*. Proceedings of the First Workshop of the International Network Impact of Empire. Ed. by L. de Blois. Amsterdam, Brill, pp. 35–49.
- Hekster O. *Emperors and Ancestors: Roman Rulers and the Constraints of Tradition*. Oxford, Oxford University Press, 2015, xxv, 395 p.
- Hohl E. Ein politischer Witz auf Caracalla: Ein Beitrag zur Historia-Augusta-Kritik. *Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Gesellschaftswissenschaften, Ost Deutsche Akademie der Wissenschaften Berlin Sitzungsberichte*, 1950, Jahrg., Nr. 1, S. 1–20.
- Icks M. From Priest to Emperor to Priest-Emperor: the Failed Legitimation of Elagabalus. *Private and Public Lies: The Discourse of Despotism and Deceit in the Graeco-Roman World*. Eds A. Turner, J. Chong-Gossard, F. Vervaet. Leiden, Brill, 2010, pp. 331–341.
- Icks M. Heliogabalus, a monster on the Roman throne: The literary construction of a 'bad' emperor. *KA-KOS. Badness and Anti-Value in Classical Antiquity*. Eds I. Sluiter, R. M. Rosen. Leiden, Brill, 2008, pp. 477–488.
- Imrie A. *The Antonine Constitution: an Edict for the Caracallan Empire*. Leiden; Boston, Brill, 2018, XV, 175 p.
- Jiménez M. R. Voces, nominatio y mutatio nominis. *Saitabi. Revista de la Facultat de Geografia i Historia*, 2012–2013, vol. 62–63, pp. 257–280.
- Kneißl P. *Die Siegestitulatur der römischen Kaiser. Untersuchungen zu den Siegerbeinamen des ersten und zweiten Jahrhunderts*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1969, 253 S.
- Kramer J. Zu Bedeutung und Herkunft von Caracalla. *Archiv für Papyrusforschung*, 2002, Bd. 48/2, S. 247–256.
- Lendon J. E. The Legitimacy of the Roman Emperor: Against Weberian Legitimacy and Imperial "Strategies of Legitimation". *Herrschaftsstrukturen und Herrschaftspraxis: Konzepte, Prinzipien und Strategien der Administration im römischen Kaiserreich*. Akten der Tagung an der Universität Zürich 18–20.10.2004. Hrsg. von A. Kolb. Berlin, Oldenbourg Verlag, 2006, S. 53–63.
- Letta C. La famiglia di Settimio Severo. *L'Africa romana*. Ed. A. Mastino. Vol. 4.2, Sassari, Edizioni Gallizzi, 1987, pp. 531–544.
- Lo Cascio E. The Age of the Severans. *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. XII. The Crisis of Empire. Eds A. Bowman, P. Garnsey, A. Cameron. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, pp. 137–155.
- Madsen J. M. Criticising the Benefactors: The Severans and the Return of Dynastic Rule. *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician*. Eds J. M. Madsen, C. H. Lange. Leiden; Boston, Brill, 2016, pp. 136–158.
- Mallan C. T. The Spectre of Alexander: Cassius Dio and the Alexander-motif. *Greece & Rome*, 2017, vol. 64, iss. 2, pp. 132–144.
- Marasco G. L'idéologie impériale de Macrin. *Revue des Études Anciennes*, 1996, t. 98, no. 1–2, pp. 187–195.
- Mastino A. *Le Titolature di Caracalla e Geta attraverso le iscrizioni (indici)*. Bologna, Editrice CLUEB, 1981, 207 p.
- Mastino A. Antonino Magno, la cittadinanza e l'impero universal. *La nozione di "romano" tra cittadinanza e universalità: atti del 2. Seminario internazionale di studi storici "Da Roma alla terza Roma"*, 21–23 aprile 1982, Roma, Italia. Napoli, Edizioni scientifiche italiane, 1984, pp. 559–563.
- Mastino A. Magnus nella titolatura degli imperatori romani. *Il titolo di "Magno" dalla Repubblica all'Impero al Papato Giovanni Paolo Magno*. A cura di M. Pia Baccari e A. Mastino. Modena, Mucchi Editore, 2009, pp. 3–39.
- Mastrocinque A. L'eredità politica al tempo dei Severi. *Hereditas, adoptio e potere politico in Roma antica*. Ed. A. Mastrocinque, S. Marastoni, B. Poletti. Roma, Edizioni Giorgio Bretschneider, 2011, pp. 71–83.
- Mazza M. Un uomo forte al potere: il regno di Settimio Severo. *Storia della società italiana*. Vol. I. 3. La crisi del principato e la società imperial. Milano, Sandro Teti Editore, 1996, pp. 211–260.
- Mennen I. The Image of an Emperor in Trouble. Legitimation and Representation of Power by Caracalla. *The Impact of Imperial Rome on Religions, Ritual and Religious Life in the Roman Empire*. Proceedings of the Fifth Workshop of the International Network Impact of Empire, Munster, June 30–July 4, 2004. Eds L. de Blois, P. Funke, J. Hahn. Leiden; Boston, Brill, 2006, pp. 253–267.
- Molina Marín A. I. Desmontando un tirano perfecto: Caracalla y la imitatio Alexandri. *Studia Historica: Historia Antigua*, 2015, vol. 33, pp. 223–250.
- Molinier-Arbo A. Les documents d'archives dans la Vita Commodi: degré zéro de l'histoire ou fiction? *Dialogues d'histoire ancienne*, 2010, suppl. IV. 1, pp. 87–112.
- Musurillo H. *Acts of the Pagan Martyrs*. Oxford, Clarendon Press, 1954, xiii, 299 p.

- Nesselhauf H. Die Vita Commodi und die Acta Urbis. *Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1964/1965*. Bonn, Habelt, 1966, S. 127–138.
- N'Guyen-Van V. Démontrer sa légitimité: le lien dynastique dans les monnaies sévériennes. *Mondes anciens*, 2016, vol. 8, pp. 1–19.
- Oliver J. H. *Greek Constitutions of Early Roman Emperors from Inscriptions and Papyri*. Philadelphia, American Philosophical Society, 1989, xxxv, 634 p.
- Pasek S. *Imperator Caesar Didius Iulianus Augustus. Seine Regentschaft und die Usurpationen der Provinzstatthalter (193 n. Chr.)*. München, Akademische Verlagsgemeinschaft, 2013, 452 S.
- Prévost M. H. Les adoptions politiques à Rome sous la République et le Principat. Paris, Sirey, 1949, 72 p.
- Rantala J. Dio the Dissident: The Portrait of Severus in the Roman History. *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician*. Eds by J. M. Madsen and C. H. Lange. Leiden; Boston, Brill, 2016, pp. 159–176.
- Reekmans T. Notes on Verbal Humour in the Historia Augusta. *Ancient Society*, 1997, vol. 28, pp. 175–207.
- Rodriguez C. Caracalla et les Alexandrins: coup de folie ou sanction legale? *Journal of Juristic Papyrology*, 2012, vol. 42, pp. 229–272.
- Scholtemeijer J. Historia Augusta: Nomen Antoninorum. *Acta Classica*, 1976, vol. 19, pp. 99–112.
- Scholtemeijer J. *A Literary Analysis of the Nomen Antoninorum in the HA*. PhD Thesis, Pretoria, 1980.
- Schumacher L. Die politische Stellung des D. Clodius Albinus (193–197 n. Chr.). *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 2003, Bd. 50, S. 355–369.
- Scott A. G. Cassius Dio, Caracalla, and the Senate. *Klio*, 2015, Bd. 97(1), pp. 157–175.
- Scott A. G. *Change and Discontinuity within the Severan Dynasty: the Case of Macrinus*. PhD Diss. New Brunswick (New Jersey), 2008, ix, 317 p.
- Scott A. G. Dio and Herodian on the Assassination of Caracalla. *Classical World*, 2012, vol. 106, no. 1, pp. 15–28.
- Scott A. G. The Legitimization of Elagabalus and Cassius Dio's Account of the Reign of Macrinus. *Journal of Ancient History*, 2013, vol. 1(2), pp. 242–253.
- Slootjes D. On the Location and Importance of Ancestral References in the Official Titulature of Imperial Co-Rulers (2nd–3rd centuries AD). *Ancient society*, 2015, vol. 45, pp. 267–284.
- Sommer M. Elagabal — Wege zur Konstruktion eines 'schlechten' Kaisers. *Scripta Classica Israelica*, 2004, vol. 23, S. 95–110.
- Soproni S. Die Caesarwürde Caracallas und die syrischen Kohorte von Szentendre. *Alba Regia*, 1980, vol. 18, S. 39–51.
- Supsteijn P. J. Die siegestitulatur Γερμανικὸς μέγιστος des Caracalla und Die Papyri. *Symbolae Osloenses*, 1983, vol. 58, no. 1, S. 129–132.
- Syme R. Ignotus, the Good Biographer. *Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1966/1967*, Bonn, R. Habelt, 1968, pp. 131–153.
- Syme R. Ignotus, the Good Biographer. *Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta*. Oxford, Clarendon Press, 1971, pp. 30–53.
- Syme R. The Nomen Antoninorum. Syme R. *Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta*. Oxford, Clarendon Press, 1971, pp. 78–89.
- Tropea G. Antonini nomen negli "Scriptores Historiae Augustae". *Rivista di Storia Antica*, 1889, vol. 4, pp. 233–245.
- Veyne P. Le Folklore à Rome et les droits de la conscience publique sur la conduite individuelle. *Latomus*, 1983, vol. 42, pp. 3–30.
- Whittaker C. R. [Commentary]. Herodian. *History of the Empire*. Vol. II. Books 5–8 / ed. and transl. by C. R. Whittaker. Cambridge, Harvard University Press, 1970, 336 p.
- Wild J. P. The Caracallus. *Latomus*, 1964, vol. 23, pp. 532–536.
- Wotawa von. Clodius Albinus. *RE*, 1900, Bd. 4, Sp. 67–76.
- Zadorojnyi A. V. Transcripts of Dissent? Political Graffiti and Elite Ideology under the Principate. *Ancient Graffiti in Context*. Eds J. A. Baird & C. E. Taylor. London, Routledge, 2011, pp. 11–33.

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2018 г.
Рекомендована в печать 31 мая 2018 г.